

№ 2 (230). ФЕВРАЛЬ 2010

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Московский журнал. История государства Российского. № 2 (230). Февраль 2010

УСАДЬБА КИРИЦЫ (РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТЬ).
ФОТОГРАФИЯ 2009 ГОДА

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Основан
Н. М. Карамзиным
в 1791 году.
Возобновлен
в 1991 году

Литературно-художественный, историко-краеведческий ежемесячный журнал

Учредитель:
Правительство Москвы

Главный редактор А. Ф. Грушина

Редколлегия:
Архиепископ Арсений (Епифанов),
А. А. Белай, Ю. В. Бобровский,
В. Ф. Козлов, В. В. Максименко,
А. С. Матросов, Д. С. Рунге

Художник-верстальщик:
С. В. Васильева

Редактор:
Е. А. Берг

Редактор-корректор:
Г. Н. Жолобова

Распространение: (495) 912-23-04

Издатель: ГУП «Редакция журнала
«Московский журнал. История
государства Российского». 2009

Адрес редакции: 109004, Москва,
Николаянская ул., д. 45/8, стр. 1
Телефон: (495) 911-76-13, 912-94-03
E-mail: mosmag@mosjour.ru
Официальный сайт: www.mosjour.ru
Электронная версия: www.mj.rusk.ru

Свидетельство о регистрации
№ 012120 от 14.04.1999

Подписано к печати 25.01.2010
Печать офсетная
Объем 10 п. л. Формат 64 x 90/8

Тираж 5000 экз.

Заказ №

Отпечатано
в типографии ИПО «Лев Толстой»:
300000, г. Тула, ул. Ф. Энгельса, 70

Материалы основных рубрик
рецензируются

В НОМЕРЕ:

РУССКИЙ ГОРОД 2 Николай Владимирович Вехов
Кандалакша
*О довоенном прошлом этого старинного
города Мурманской области*

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ КРАЕВЕДА 14 Александр Георгиевич Соколов
В Сушках на Рязанщине...
*О храме Воскресения Словущего
в селе Сушки Рязанской области*

АРХИВ 17 Елена Викторовна Харитонова
Образы прошлого.
**Из собрания Центрального архива
электронных и аудиовизуальных
документов Москвы**
*Фотографии известного краеведа
и москвоведа Н. И. Якушевой (1908–2002)*

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ 26 Тамара Викторовна Максимова
Усадьба и ее владелец
*Об усадьбе Кирицы, что на Рязанщине,
и создателе ее уникального архитектурного
ансамбля С. П. фон Дервизе
(1863 — после 1918)*

АЛЬБОМ 42 Екатерина Владимировна Уварова
**«Мне нужно набраться
старинного духа...»**
*Усадьба Зубриловка в творчестве
художника В. Э. Борисова-Мусатова
(1870–1905)*

ИЗ РУССКОЙ ДУМЫ 46 Архиепископ Никанор (Бровкович)
**О значении
семинарского образования**
*Глава из книги «Поучения, беседы,
речи, воззвания и послания Никанора,
архиепископа Херсонского и Одесского»
(т. V. Одесса, 1891)*

РУСЬ ПРАВОСЛАВНАЯ 54 Украшающие богослужение
*История и день сегодняшний
Регентской школы при Московской
духовной академии*

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ 69 Иван Иванович Магер
Влюбленные в Селигер
*О московских художниках
Т. А. и А. Ф. Кипарисовых*

Николай Владимирович Вехов

Кандалакша

О довоенном прошлом этого старинного города
Мурманской области

www.kandalaksha.org

Герб города Кандалакши, утвержденный в 2008 году

Двинувшиеся в XI–XII веках из владений Великого Новгорода в направлении современной Карелии и Кольского полуострова дружины довольно быстро достигли области, населенной загадочными племенами «чуди белоглазой», «дикой», или «лешей лопи», как именовалось в старину население этих мест. Несколькими веками позже русские переселенцы основали

в устье каждой значимой и богатой рыбой реки свои поселения. Так возникли почти все современные города и деревни Поморья — обширной историко-географической области, лежащей вдоль берегов Белого моря. Одно из первых подобных поселений — Кандалакша — появилось в устье реки Канды, что впадает в Кандалакшский залив.

РУССКИЙ ГОРОД

Карта Российской Лапландии из «Атласа Российского»
(СПб., 1745)

<http://biatnia.petrov.ru>

Топоним «Кандалакша» — карело-саамского происхождения и по-русски означает «залив реки Канды». Софийская летопись рассказывает о приезде в 1526 году поморцев и лоплян в Москву «с моря Окияна ис Кандолажской губе <...> усть Нивы реки»¹. На месте Кандалакши до того времени, пока тут не осели русские поселенцы, вероятно, существовало древнее саамское (лопарское) капище и при нем зимний лопарский поселок². Впоследствии в силу каких-то причин жители новостроенного поселения переехали в другое место, находившееся по соседству в устье реки Нивы. Видимо, это произошло до 1526 года, когда здесь, на правом берегу Нивы, просветителем лопарей преподобным Феодоритом Кольским была построена церковь Рождества Иоанна Предтечи. Наиболее раннее упоминание погоста Кандалакши находим в Соловецкой летописи под 1542 годом в связи с «великим трясением земли <...>

в Керети, Ковде и Кандалакше»³. Селение Кандалакша фигурирует в записках голландского путешественника Симона Ван Салингена, побывавшего на Кольском полуострове в 1565 году⁴.

До середины XVI века Кандалакша являлась центром Русской Лапландии, но с образованием Кольского уездного управления в 1582 году «столичные» функции перешли к Коле. Первый присланный в 1552 году в Лапландию воевода Аверкий Иванович Палин, по прозвищу «Саланчена», издал распоряжение об учреждении между Колой и карельским Поморьем ямской гоньбы для провоза почты, казенных грузов и людей, едущих по государевым делам. Отсюда же, из Колы и с берегов Мурманя, по «сухопутью» продукты промыслов и международной торговли через Кандалакшу, Кереть и поморские волости Заонежья отправлялись во внутренние области государства, в первую очередь в Москву.

РУССКИЙ ГОРОД

Большую роль в истории Кандалакши сыграл просуществовавший почти два столетия Богородице-Рождественский (Кокуев) мужской монастырь, основанный в 1548 году все тем же Феодоритом Кольским. Располагался монастырь «в Кандолошской губе на устье реки Нивы на наволоке»⁵. Преподобный возглавлял его до 1550 года. Забегая вперед, отметим, что и впоследствии Феодорит, пользовавшийся особым расположением Ивана Грозного, не забывал свое детище. Одним из свидетельств тому явилась жалованная грамота обители от 1554 года на окрестные угодья «для монастырского строения и лопского крещения»⁶.

В XVI–XVII веках Кандалакшский монастырь процветал. Он имел хлебную, швальную, дружинную, поварню, коровник и амбары, мельницу на реке Лупче, морские рыболовные тони (места), соляные варницы, сельскохозяйственные и лесные угодья. Рост монастырского хозяйства способствовал прогрессу экономической жизни края, установлению торговых связей с другими землями.

Конечно, если сравнивать с центральными областями России, Кандалакша все же оставалась «незащищенным слабым селением с небольшим монастырем. Жители кормятся от моря вместе с монахами и их слугами»⁷. Однако по местным масштабам хозяйственная деятельность кандалакшан впечатляла. О ее размахе можно судить по отчету шведов Якоба Персона и Оскара Бурмана (1581): «Среди поморских сел выделяется Кандалакша, где ведут большую торговлю преимущественно англичане. <...> Около города находится деревянный монастырь с солеварным заводом с 296 солеварными чанами. Соль варится здесь и днем и ночью»⁸. Посещали Кандалакшу с торговыми целями и голландцы⁹.

Что же касается второго названия монастыря — Кокуев, его появлению предшествовали следующие события. В действительности собственно Кокуев (Порьегубский) во имя Рождества Пресвятой Богородицы монастырь располагался на значительном удалении от Кандалакши, в 80 с лишним километрах от устья Нивы на острове при входе в Порью губу. В 1563 году он еще упоминается

Жизнь лопарей летом и зимой. Иллюстрация из атласа М. Питта (Оксфорд, около 1680 года)

РУССКИЙ ГОРОД

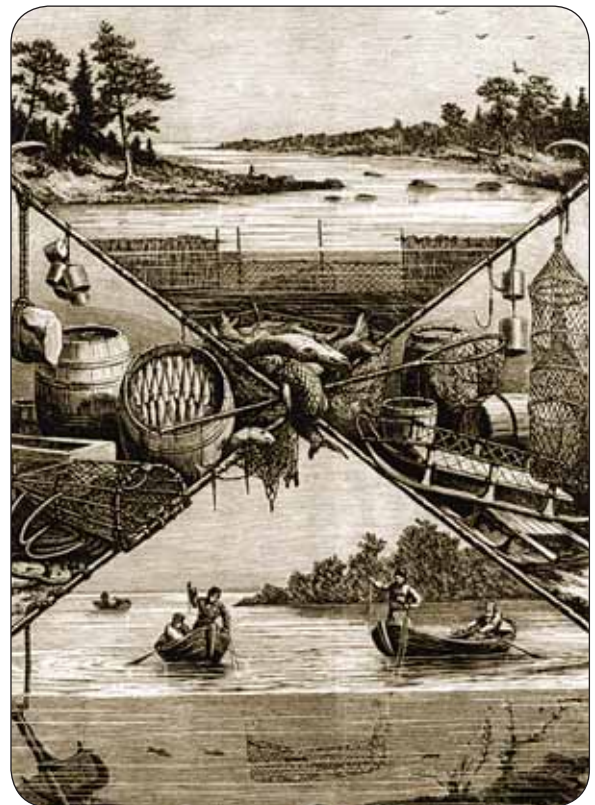
*Иллюстрации Н. Н. Каразина к 1-му тому издания
«Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном,
экономическом и бытовом значении»
(СПб.—М., 1881)*

*Вид на левобережную часть
села Кандалакши.
На заднем плане —
церковь
Рождества Пресвятой Богородицы*

*Охотничьи и бытовые сцены
из жизни саамов-лопарей*

РУССКИЙ ГОРОД

в летописях. Но в 1570-м во время «суда и расправы», творимых здесь опричниками под предводительством Басарги Федоровича (так называемый Басаргин правеж), обитель закончила свое существование. «А запустели те варницы и места дворовые Порьегубские <...> от лихого поветрия (эпидемии. — *Н. В.*) и от голоду и от Басаргина правежу». Вот тогда-то и перебрались «Кокуева монастыря пречистенские старцы» в Кандалакшский монастырь, который оказался, несомненно, более устойчивым к подобным испытаниям, находясь под государевым покровительством. Отсюда и название¹⁰.

Мирную жизнь Кандалакши и насельников монастыря постоянно нарушали вторжения вооруженных отрядов государств-соседей. Одно из первых нападений произошло в мае 1589 года, когда «свитцкие немцы» (шведские войска) подошли к селению, окружили его и начали безжалостно истреблять обитателей от мала до велика. Всего погибло 450 человек. Память об этой трагедии передавалась местными жителями из поколения в поколение.

Не меньшие потери понес и монастырь. Интересное устное предание приводит известный в свое время писатель и журналист Василий Иванович Немирович-Данченко, в 1870-х годах посетивший Кандалакшу:

«Богатая обитель была. Братии больше трехсот человек считалось. <...> Стояла эта обитель — и вдруг прошел слух, что швед идет на нее. Иноки сейчас скот угнали в горы, <...> колокола бросили в реку и завалили их камнями. И доселе на дне реки Нивы виднеются уши большого колокола. <...> Потом стали молиться Богу. Ждать-пождать. <...> Приходит враг — в обители литургия шла. Швед этому не внял. Всех иноков перебил. Священник выходит с дарами — его рогатиной, диакона тоже. Только старца одного придушить забыли, так Господь ему такую силу дал, что после он один всех триста иноков схоронил и сам на засыпанной могиле помер. Монастырь шведы сожгли и убрались восвосяси»¹¹.

Уцелевшие кандалакшане отстроили монастырь, но в 1598 году он вновь подвергся опустошению. В 1615-м на поморские селения, в том числе и на Кандалакшу, напали литовцы и поляки — жгли и грабили дома, солеварни, монастырские строения. Август 1658 года — в очередной раз шведы. Их рассеяли стрельцы, присланные с Двины.

Несмотря на все эти напасти, монастырь продолжал существовать, но былому его процветанию пришел конец. Петровские

реформы довершили оскудение обители. Согласно архивным документам 1710 года, у нее тогда не было даже ограды¹². В 1742 году «по скудности и неумению братии и служителей» обитель была закрыта, а две ее церкви — Рождества Иоанна Предтечи и Рождества Пресвятой Богородицы — превращены в приходские¹³.

* * *

Разразившаяся в самом начале XVIII века Северная война отголосками докатилась и до Кандалакши. В 1700—1721 годах страна стонала под бременем царских налогов: война требовала все больше и больше средств. Перепись 1719 года показала значительное сокращение численности тяглоспособного населения по всей Русской Лапландии. Немалую роль в обнищании поморов и лопарей сыграла практика отдачи приближенным к трону особам монополий на северные промыслы. Сначала в крае хозяйничал купец Евреинов, затем наступил черед графа П. И. Шувалова. Лишь в конце XVIII века после ликвидации почти полувековой практики монополий кандалакшане почувствовали некоторое облегчение. Кандалакша начала строиться, по-прежнему делясь рекой Нивой на две части — левобережную и правобережную.

На протяжении веков основными занятиями жителей Кандалакши были промыслы на море, реках и в лесах. Солеварение (соль — так называемая морянка — добывалась здесь из морской воды), которое в XV—XVII столе-

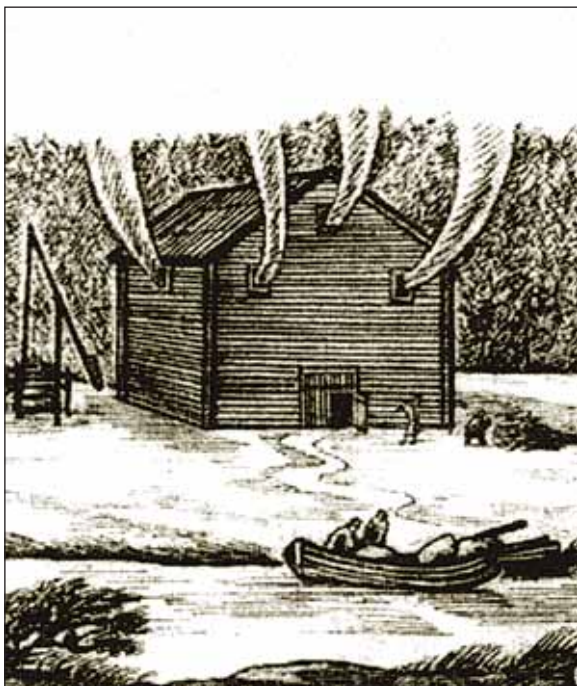

*Церковь Рождества Иоанна Предтечи
в селе Кандалакша.*

*Фотография конца XIX века
(Ушаков И. Ф. Избранные произведения в 3-х томах.
Историко-краеведческие исследования.
Т.1. Мурманск, 1997)*

Солеварня Кандалакши.

Иллюстрация из трехтомника И. Ф. Ушакова
(Т. 2. Мурманск, 1997)

тиях являлось основой благополучия обитателей Кандалакшского побережья, полностью исчезло в первой четверти XVIII века с появлением на рынке более дешевой соли — «пермянки», выпаривавшейся из скважин соляных месторождений Пермского края. Утратили свое значение добыча речного жемчуга и ломка слюды в местных карьерах. Взамен в Кандалакшской губе начал развиваться сельдяной промысел. Кандалакша, наряду с селами Сорокой (современный город Беломорск), Керетью, Ковдой и Княжьей Губой, представляла собой один из основных центров этого промысла на Белом море. Особенно доходным был весенний («егорьевский») подледный лов. На него в апреле выходили все жители Кандалакши. Разместившись в избушках по берегам залива, промысловики бдительно следили за тем, когда и где пойдет на нерест сельдь. Сторожа посменно дежурили у специально проделанных во льду лунок. Как только начинался массовый ход рыбы, в проруби опускались неводы. В летнее время лов производился с лодок. Ежегодно кандалакшане продавали более тысячи бочек соленой сельди.

Промысловый календарь был круглогодичный — одно занятие сменяло другое. Весной в Кандалакшском заливе поморы начинали охоту за тюленями, летом промышляли белуху, осенью отправлялись за нерпой. В мае и июне женщины и дети собирали птичьи яйца и гагачий пух. Зимой почти в каждом до-

ме пряли пряжу и вязали сети, ткали холсты. Владельцы оленей и лошадей занимались извозом.

* * *

События Крымской войны (1853—1856) не обошли стороной и Кандалакшу.

В июне 1854 года в Белом море появилась англо-французская эскадра. 20 июля английский паровой фрегат «Эвридика» под командованием капитана Э. Оммани подошел к Кандалакше. Жители, имевшие всего несколько десятков винтовок, к которым, увы, не было пороха и пуль, укрылись в лесу. С «Эвридики» в селение послали 150 матросов, которые, награвившись властью, вернулись на фрегат.

Не так было летом 1855 года, когда англо-французская эскадра снова вошла в Белое море, объявила все порты, рейды и гавани находящимися в блокаде и начала энергично разорять и грабить поморское население. На сей раз кандалакшане оказали достойное сопротивление, о чем говорят архивные документы¹⁴.

Итак, в ночь на 6 июля английский корабль бросил якорь в устье Нивы. Утром «неприятель», сделав один пушечный выстрел, отправился на спущенных в то же время двух баркасах и шлюпке с пушками и с вооруженными штуцерами солдатами около 150 человек <...> для высадки и атакывания жителей, но крестьяне в числе 52 человек <...> с унтер-офицером Недоросковым мужественно отразили неприятеля. <...> Через малое потом время человек до 70, отряженные с парохода на двух баркасах, следуя также под прикрытием пушечных выстрелов на малую сторону селения (в левобережную часть Кандалакши. — **Н. В.**), были встречены несколькими ружейными выстрелами 13 живших там крестьян». Оборонявшиеся, пока были боеприпасы, сдерживали врага, а затем отошли в лес. Англичане ворвались в церковь и зажгли ее, после чего спешно вернулись на баркасы. Между тем «во время высадки и бытности неприятеля на левой стороне селения наши крестьяне стреляли с правой в пароход, бросавший в ответ, кроме штуцерных в большом количестве пуль, ракеты, картечь, каленые пудовые ядра и бомбы. <...> Начав усиленную канонаду, неприятель <...> покушался было сделать на большую сторону (правобережную. — **Н. В.**) высадку войска в числе 150 человек, но таковая <...> не удалась, так как меткие выстрелы наших крестьян, высадиться ему <...> не допустив, заставили возвратиться на пароход». Тогда англичане, «не делая более высадки на мелкие свои суда, отвели пароход сажень на 200 от берега, продолжая бомбардировать

РУССКИЙ ГОРОД

Г. Фогелер. *Кандалакша.*
Бумага, цветной карандаш. 1934 год

селение, уже горевшее во многих местах. <...> Во время перестрелки, бывшей в продолжение 9 часов, с парохода пушено около 200 пушечных выстрелов и до 1000 ружейных. <...> У неприятеля нашими крестьянами обеих сторон, как замечено, убито 4 человека в то самое время, когда один из баркасов <...> попал на так называемый Чертов камень, в 50 саженьях от берега находящийся. Какое было число всех убитых и раненых у неприятеля, заметить было невозможно по причине от выстрелов и горевших домов большого дыму». В 14 часов 6 июля, когда большую часть села охватило пламя, корабль снялся с якоря и ушел в сторону села Керети. В результате девятичасовой бомбардировки в Кандалакше сгорели 46 крестьянских дворов, 29 амбаров, церковь, общественный хлебный склад. Убитых и раненых с нашей стороны, впрочем, не было. «В оставшихся почти без повреждения 20 крестьянских ветхих небольших домах из погоревших жителей некоторые уже поместились вместе с домохозяевами, а большая часть крестьян не имеет никакого пристанища, живя с семьями, малолетними и грудными детьми на открытом воздухе».

Добавим здесь, что отряд самообороны кандалакшан численностью 65 человек возглавлял «лесничий Бабадин».

* * *

Многие подробности истории Кандалакши и быта ее жителей XIX века так и остались бы неизвестными, не оказись здесь в 1872 году во время своего путешествия по Русскому Северу уже цитировавшийся выше Вас. И. Немирович-Данченко. Именно ему принадлежит настоящее «открытие» Кандалакши. Позволим себе привести пространные выдержки из его путевых записок.

«Мы прошли узкое место губы между Горелыми Лудами и Костылевым мысом. Берега несколько шире раздвинулись перед нами, но на севере уже рисовались громадные горные массы Лапландии, подступившие к Кандалакшскому заливу тремя отдельными вершинами — Крестовой, Волостной и Железной. Острова становились разнообразнее; словно зубы исполинской челюсти, часто из воды торчали ряды камней, заливаемых только в самую полную воду. Мы миновали остров Вачев и Резановы Луды и вступили в совершенно неподвижный бассейн. <...> Пароход шел тихим ходом. <...> Вот налево выдвинулась из моря длинная полоса Большого Оленьего острова. Мы поминутно кидали лот, словно подкрадываясь, а не подходя к берегу. Наконец на грот-мачте подняли лоцманский флаг, и от далекого берега вскоре отделилась едва заметная точка. Деревню еще трудно было разобрать в глубине бухты. Кандалакша вся уходила в густую тень тесно обступивших ее гор, только золоченый крест одной из церквей выделялся из мрака и под косым лучом солнца сверкал ярким, режущим глаза блеском».

Не менее завораживающая взор картина открылась писателю на второй день его пребывания в Кандалакше, когда он в сопровождении местного жителя поднялся на гору.

«Я оглянулся и замер от восторга. Ширь и высь разом явились передо мною во всем своем величии и бесконечности. Отдельные ее детали сначала сливались в одну общую картину необозримого простора. Мысы за мысами, горы за горами, острова за островами — все это раскидывалось внизу под нами и по сторонам, уходя в недостижимую даль. Тихие салмы (проливы. — *Н. В.*) серебрились под лучами солнца, островные леса чернели и синели, окаймляя покойные воды, на которых, точно горные точки, двигались во все стороны карбасы. Гребцов на них не было видно. Зато их песни слышались на высоте ясно и проникали в самую душу зрителя. Далеко внизу, на длинном мысу, видна была заречная сторона Кандалакши с одною церковью. Другая половина села, с большим храмом, пряталась у нас под ногами. <...> Старые и ветхие избы отсюда казались новыми и красивыми, общий очерк селения выходил как-то необыкновенно грозен и мил. <...>

Быстрая и порожистая Нива, вытекающая из озера Имандры, раскинувшегося внутри Лапландии, извиристою нитью огибает встречные горные хребты. <...> На обоих ее берегах разбросано большое село Кандалакша. Мелкие трехконные избы и рядом

большие почерневшие дома; пропасть амбарушков, бань, карбасы, целыми десятками обсыхающие на берегу, сельдяные невода, развешанные на шестах, пирамиды сельдянок (специальные бочонки для засола сельди. — *Н. В.*) на улице, на крышах домов, на задворках, и повсюду душный густой запах свежепосоленной сельди. Дальше за селением длинный семужий забор перегородил реку от одного берега до другого. На взморье колышутся две-три шкуны да несколько шняк; вдалеке, словно крылья чаек, серебрятся паруса ловецких карбасов да синеют неуклюжие, грубые очертания многочисленных гранитных островов; направо и налево вздымаются очертания морского берега. <...>

Мимо нас молодой парень тащил длинные весла. Красивая женщина в парчовой сорочке и ярком кумачовом сарафане несла парус; трехлетний ребенок бойко переступал за нею, ухватываясь ручонкой за подол матери. Еще две женщины постарше с худым, словно чахоточным, крестьянином едва передвигали ноги под грузною массою невода. <...>

— У нас по утрам все село в разъезд идет, — (говорит местный житель. — *Н. В.*). — Бабы, девки да мальчонки в горы — за ягодой и грибами, ну, а мы, мужики, на ловлю. Одни у нас кормы — сельдь. Коли Господь ее пошлет, благословляй имя Его, нет — преклонись перед волею Царя небесного. Все в руке Его — сегодня ни одной рыбины, а завтра на двадцать карбасов тебе навалит. <...>

Мы сошли в карбас. С нами сели два парня — сыновья старика. Сам он взялся за руль. Карбас был ловецкий. Ловецкими карбасами называют здесь лодки большого объема с высокою станвою мачтою посередине. <...> На ловецком карбасе полагается четыре промышленника и один кормщик. Средин лодки занята неводом. Вода для питья берется из села в новом сельдяном бочонке».

Ловля царь-рыбы Севера — семги — осуществлялась веками опробованным приспособлением — семужим забором, который «перегораживал всю реку Ниву; только в одном месте его, где тянулась сухая корга (отмель. — *Н. В.*), непроходимая для рыбы, был оставлен перерыв в полторы сажени».

Отметим, что нижеследующее описание семужьего забора — первое в литературе.

«Прежде всего ставятся через реку козлы из бревен в два ряда, на них настиляется помост из досок, балок, тонких жердей, самый край которого уставлен камнями для прочности. Сторона забора, обращенная внутрь реки, вся заслонена перегородкой из тонких жердей, перевитых в двух местах вицей (веревка, скрученная из древесных ветвей. — *Н. В.*). Таким образом, семга свободно может войти в забор, но вперед через перегородку ей пробраться уже невозможно. Она поневоле остается здесь до прихода хозяйна забора. Случается, что при обильных ловах семга в вершах лежит рядами, как будто нарочно уложенная для сбережения места. Когда ее набирается немного, она бьется, кружит по верше, ерзает на ней вперед и назад. <...>

Наконец кое-как за хозяином забора и его работником я добрался до последней верши. Тут от помоста был устроен небольшой настил над вершей. <...> В настиле устроено горизонтальное окно, сквозь которое видно вершу. К краю последней прикреплены два вертикальные бревна. Их поднимают вверх, они, в свою очередь, тянут вершу. Первая оказалась пустою, ее опустили вниз и пошли назад к средней. Тут приподняли также бревна и <...> оказалась рыба. Тотчас же сверху бросили вниз веревку, к концам которой были прикреплены крючья, которые и зацепили за обе стороны верши. <...> Вершу приподняли на одну сажень от помоста. Кумжи, как обсохли, тотчас же стали биться. Они быстро и порывисто скользили во все стороны, грузно шлепались боками о стенки верши.

www.photodom.com

*Рассвет
над Белым морем*

*Вид на Кандалакиский залив.
Фотография автора. 2004 год*

РУССКИЙ ГОРОД

Кумжа — та же семга, только меньше последней. Чешуя ее усеяна черными пятнами, сгущающимися у спины. Она имеет желтоватый оттенок. Кумжа в 10 фунтов считается самой крупной, тогда как семга в 28 фунтов не считается большой. Приподняв вершу, <...> работник вошел внутрь ее. Рыба заметалась еще сильнее. Он с трудом хватал ее по очереди, сжимая каждую между коленями, и бил кротилом (колотушкой. — *Н. В.*) по голове до тех пор, пока не убивал. <...> Бьют обыкновенно в темя и в нос. <...> Убитая кумжа подавалась вверх, где хозяин швырял ее в корзинку.

Когда мы перешли к последней морде (рыболовный снаряд. — *Н. В.*), там билась крупная громадная семга в полтора пуда и несколько штук поменьше. <...> Борьба человека с семгой становилась крайне трудной. Ударами хвоста последняя сбивала его с ног. Он едва мог, не говоря уже о том, чтобы удерживать ее в руках, прижать ее в угол, где наносил семге сильные удары кротилом. Несколько раз она вырывалась и прыгала по верше, которая, казалось, распадается от мощных усилий рыбы. Наконец работнику удалось нанести ей два или три удара, замедливших ее движе-

ния. Вслед за ними посыпались еще. Кротило так и ходило по темени и носу семги, и минут через пять она с трудом была подана хозяину. <...> Когда большой семге вырезали живот, она еще два раза повернулась и затем вытянулась. <...> После этой операции семга только шевелила жабрами»¹⁵.

* * *

Привычная жизнь тихой Кандалакши внезапно нарушилась в 1915 году. Селение оказалось на трассе строящейся Мурманской железной дороги, которая в 1916 году связала Петрозаводск с новым городом на Севере России — Романовым-на-Мурмане (Мурманском). Кандалакша в силу своего выгодного положения у самого берега Белого моря стала крупным железнодорожным узлом.

Тогда же началось и строительство Кандалакшского порта. Сначала здесь летом 1915 года соорудили деревянную пристань, затем к ней подвели железнодорожную ветку. В Кандалакшу пошли грузовые пароходы, доставлявшие в разобранном виде закупленные в Америке локомотивы фирмы

<http://www.petrovoz.com/newgallery/?ID=58830&LNG=RU>

*Строительство Мурманской железной дороги.
Фотография 1915 года*

РУССКИЙ ГОРОД

Старая Кандалакша.

Фотографии 1950—1960-х годов из архива Е. И. Жукова

*Левобережная часть города.
Улица Набережная*

*Клуб имени Двадцатилетия Октября
в поселке Нива-3*

*Устье реки Нивы.
Вид на правобережную
часть
города*

«Партер»; их собирали на месте российские и американские специалисты.

История Кандалакши все убыстряла свой бег. В 1925 году открылся Кандалакшский рыбоконсервный завод, положивший начало консервному производству на Кольском полуострове. Модернизировалась и расширялась железная дорога. В том же 1925-м в Кандалакше построили паровозное депо с поворотным кругом, а 4 ноября 1934 года был торжественно открыт первый на Русском Севере электрифицированный участок железной дороги Кандалакша—Апатиты—Кировск. В 1936 году вступил в строй Кандалакшский механический завод, преобразованный из ремонтно-механических мастерских.

Не обошли своим вниманием Кандалакшу и разработчики плана ГОЭЛРО, по которому на реке Ниве предусматривалось строительство трех гидроэлектростанций. 30 июня 1934 года вступила в строй «Нива ГЭС-2». Тогда же развернулись проектно-изыскательские

работы на станции «Нива ГЭС-3», призванной обеспечить электроэнергией Кандалакшский алюминиевый завод, возведение которого велось параллельно. С началом индустриального освоения Кольского полуострова Кандалакша стала крупным перевалочным пунктом морских грузоперевозок — морским портом. В 1938 году рабочий поселок Кандалакша получает статус города в составе только что образованной Мурманской области. На тот момент здесь проживало свыше 20 тысяч человек.

* * *

В старину правобережная часть Кандалакши называлась Деревней, левобережная — Заречкой, или Зарецкой стороной, изредка — Малой стороной (последнее наименование употреблялось в официальных документах); жители, соответственно, делились на «деревенских» и «зарецких». В Деревне, в свою очередь, были «районы» Верховье, Низовье, Варака, Наволок, Зелениха, Подварака

РУССКИЙ ГОРОД

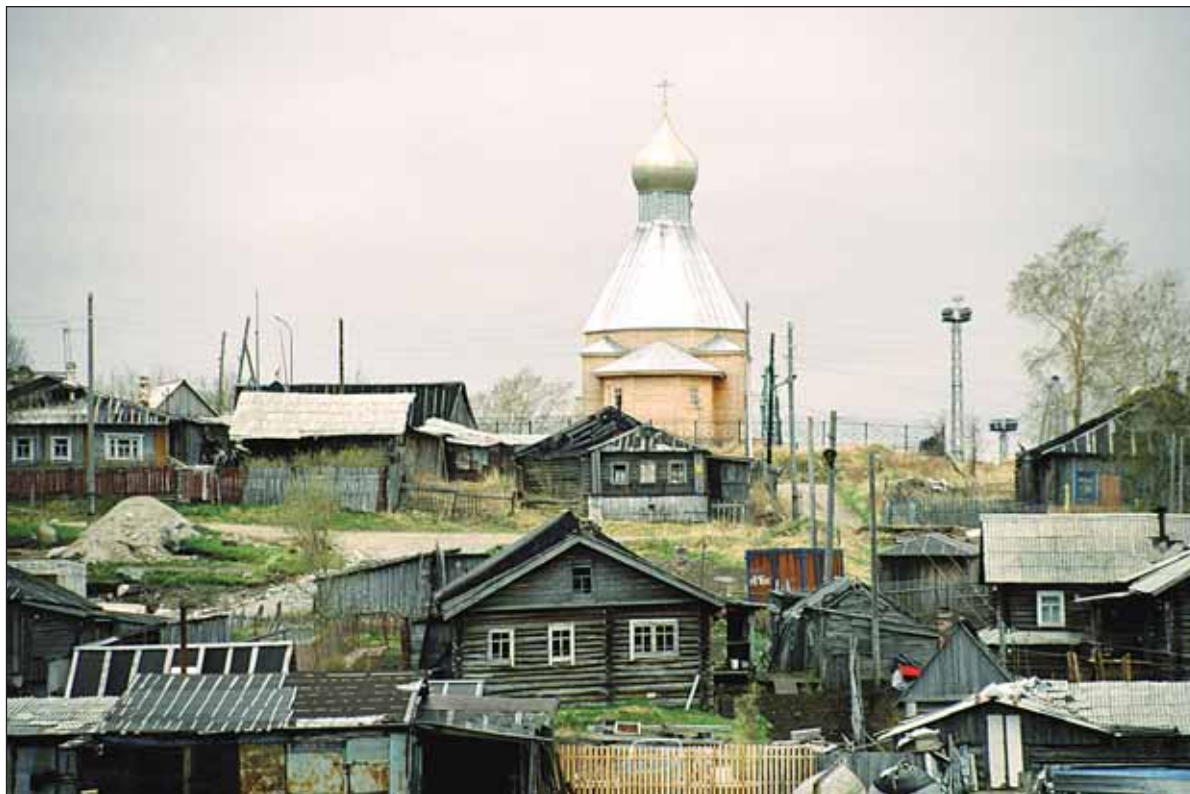
и Занаволок. Когда построили железную дорогу, близ депо и станции Кандалакша вырос железнодорожный поселок, остатки которого сохранились около нынешнего рыбоконсервного комбината; тогда поселок назывался Тысячные Бараки — по верстовому столбу, указывавшему расстояние от Петрограда до Кандалакши (тысяча верст). Позднее железнодорожную станцию перенесли от села примерно на три версты, и эта часть поселка долго называлась Третьей Верстой. В 1920-х годах в Кандалакше появился латышский поселок имени Рудзутака. Основали поселок латыши-колонисты, занимавшиеся промыслом и копчением сельди. Видный государственный деятель того времени Я. Э. Рудзук часто приезжал сюда к своим землякам. Промежуток между Третьей Верстой и Тысячными Бараками постепенно застраивался; возникло деление на Верхнюю и Нижнюю Кандалакшу. Дорога, пролегшая от села до теперешнего стадиона вдоль реки Нивы, называлась Лесной — она действительно длительное время проходила через низкорослый болотный лесок с высокими соснами на буграх. И хотя сегодняшний город имеет официальные названия улиц, многие из перечисленных выше топонимов сохранились в устном обиходе кандалакшан.

* * *

Во время Великой Отечественной войны захвату Кандалакши в планах немецких военных операций на Русском Севере придавалось большое значение: враг прекрасно понимал, что взятие города отрезет от Большой земли незамерзающий порт Мурманск и усложнит доставку военных грузов от союзников. Тяжелые бои на подступах к Кандалакше шли все лето 1941 года. Ценой огромных усилий наступающие немецко-фашистские части были остановлены на 87-м километре Аллакуртинской железнодорожной ветки. Не достигнув желаемого, немцы яростно бомбили Кандалакшу, но переломить ситуацию оказались не в силах — железная дорога работала надежно, обеспечивая бесперебойное движение поездов с военными грузами. В октябре 1944 года северная немецкая группировка была разгромлена.

После войны возобновилось строительство станции «Нива ГЭС-3»; в декабре 1949 года она дала первый ток. Далее заполярные гидростроители ввели в строй третью гидростанцию — «Ниву ГЭС-1» (1952), с пуском которой завершилось освоение энергетических мощностей реки Нивы.

В 1984 году за героизм, проявленный жителями Кандалакши во время Великой Отечественной войны, город был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Сохранившиеся уголки старой Кандалакши

<http://www.aqshimuseum.ru/?p=1025>

РУССКИЙ ГОРОД

*Кандалакша сегодня.
Фотографии автора. 1999—2006 годы*

Здание Управления каскадом Нивских ГЭС

Вид на Зареку

*Здание железнодорожного вокзала, восстановленное
после Великой Отечественной войны*

*Памятная доска в честь погибших
пилотов дирижабля «СССР-В-6»*

¹ Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. М.—Л., 1929. С. 52.

² Двинин Е. А. Край, в котором мы живем. Мурманск. 1959. С. 46, 153.

³ Цит. по: Ушаков И. Ф. Феодорит, просветитель лопи // Север. 1993. № 1. С. 157.

⁴ Кузьмин Н. Г., Разин Е. Ф. Кандалакша. Мурманск. 1968. С. 19.

⁵ Харузин Н. Н. Русские лопари. М., 1890. С. 459.

⁶ Русская историческая библиотека. Т. 2. СПб., 1875. С. 689—690.

⁷ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Л., 1925. С. 63.

⁸ Кузьмин Н. Г., Разин Е. Ф. Указ. соч. С. 26.

⁹ Там же. С. 26.

¹⁰ <http://www.kandalaksha.org/index.html>.

¹¹ Немирович-Данченко Вас. И. Страна холода. Виденное и слышанное. Белое море — Мурман и Северная Норвегия — Лапландия — Новая Земля — Вайгач — племена глухого угла. СПб., 1877. С. 242—243.

¹² Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 831, оп. 1, д. 268, л. 61—62.

¹³ Кузьмин Н. Г., Разин Е. Ф. Указ. соч. С. 27.

¹⁴ ГААО. Ф. 1, оп. 4, т. 11, ед. хр. 3087, л. 54—55.

¹⁵ Немирович-Данченко Вас. И. Указ. соч. С. 220—240.

Александр Георгиевич Соколов

В Сушках на Рязанщине...

**О храме Воскресения Словущего
в селе Сушки Рязанской области**

*Храм Воскресения Словущего в Сушках.
Фотография автора. 2008 год*

Старинное село Сушки, что в 60 верстах от Рязани, впервые упоминается как починок (починками на Руси когда-то назывались возникающие сельские поселения) в 1568 году в числе вотчин рязанских архиереев. Спустя век в переписной книге за 1678 год там значилось шесть крестьянских да двенадцать бобыльских дворов — всего 42 души.

В 1680 году митрополит Рязанский и Муромский Иосиф построил в Сушках Воскресенскую церковь, где

отправлял службы во время посещений своей вотчины. Когда же сгорела церковь в близлежащем селе Засечье, Воскресенская была обращена в приходскую.

В 1752 году сушкинский иерей Петр Абрамович и прихожане в ответ на свое ходатайство получили дозволение вместо обветшавшей построить новую деревянную церковь «в прежнее храмонаименование», но за неимением средств строительство так и не началось.

В 1789 году новый настоятель иерей Феодор Семенов испрашивал разрешения на перенесение церкви в более удобное место: «Воскресенская церковь стоит вполне одна, без жилья, почему она окрадена была неоднократно, паперти около оной обветшали так, что и взойти едва можно, она ж залита водою, а мостов не имеется».

Присланный в Сушки для освидетельствования храма иерей Петр писал в Консисторию: «Минувшего августа дня

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ КРАЕВЕДА

1789 г. был я в селе Сушках для осмотра церкви Божией, в которой <...> оказалось все благополучно, только она, церковь, требует починки внешней и стоит в отдалении в поле <...> и во время разлития воды священноцерковнослужителям и приходским людям к той церкви ходить почасту невозможно, сухим путем версты четыре или пять, а моста для хождения в церковь Божию сделать не можно, а потому в церкви Божией совершается божественная служба не почасту и приходских людей бывает мало, ездят в малых суднах, а иногда и оных сыскать невозможно».

Но перенос церкви не состоялся. Через несколько лет лишь обновили кровлю, в 1829 году исправили иконостас, а в 1831-м отлили новый колокол.

И вот в начале XIX века в Сушках появился Никон Андреевич Шербаков — будущий старец Никон Сушкинский. Какое-то время он жил при храме, потом в деревянной келье, а когда она сгорела, вырыл себе неподалеку пещеру, в которой провел 24 года в посте и молитве. Он носил тяжелые железные вериги с ошейником, а на груди — медный складник, состоявший излитых икон Спасителя. Помимо суровой отшельнической жизни, Никон собирал деньги на благоустройство храмов, много сил положил на помощь не только Воскресенской церкви, но способствовал храмостроительству в других селениях. Когда в Рязске решили построить собор, Никон несколько лет возил туда на тачке кирпич, покрывая расстояние в сорок верст от Сушек до города.

Постепенно молва о трудах, прозорливости и чудесных исцелениях по молитвам старца Никона распространилась по уездам Рязанской губернии.

*Старец Никон Сушкинский.
Рисунок конца XIX века*

*Общий вид
Сушкинского Никоновского женского монастыря*

*Иллюстрации из книги
«Жизнеописание старца-подвижника,
пустынника Никона Андреевича Шербакова,
основателя Сушкинского женского общежительного монастыря»
(Рязань. 1910)*

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ КРАЕВЕДА

Настоятель церкви Воскресения Слоущего протоиерей Илия Коростелев. Фотография автора. 2008 год

Ему приходилось порой принимать в своей пещере по 30–40 человек в день. И каждый уходил или исцеленным, или утешенным мудрым советом.

Еще старец положил основание Сушкинскому женскому монастырю, названному впоследствии Никоновским. За несколько лет до смерти Никона стала исполнять при нем разные послушания Прасковья Ивановна Шапошникова. А когда Никон начал слепнуть, взяла на себя заботу о нем. Однажды они гуляли недалеко от кельи. Прасковья спрашивает: «Почему же, батюшка, это место не засажено деревьями?» — «На этом месте нужны будут строения. Когда, Бог даст, здесь будет монастырь, тут вот будут ледник и просфорная келья».

И слова Никона сбылись. Он умер 28 декабря 1844 года, благословив Шапошникову на монашеский подвиг, и Прасковья Ивановна впоследствии стала первой игуменьей Никоновского монастыря, после революции превращенного в лечебное учреждение.

В 1846 году прихожане через своего поверенного крестьянина Дмитрия Исидорова испросили дозволения на возведение в Сушках вместо деревянной и обветшавшей новой каменной Воскресенской

церкви с Никольским приделом, и 14 мая 1847 года им была выдана храмозданная грамота. В 1851-м достроили придел. Через год деревянную церковь продали в село Красный Холм за 828 рублей; вырученные деньги пошли на строительство каменной. 13 сентября 1859 года церковь, засиявшую золотым куполом, освятили.

После революции в окрестных храмах началось изъятие церковных ценностей. Вооруженный отряд появился и в Сушках. По рассказам старожилов, настоятеля отца Николая тут же расстреляли, но церковь каким-то чудом не разграбили. Новый настоятель отец Иоанн Богданов прослужил в Сушках тридцать лет, и храм все это время действовал, исключая лишь небольшой промежуток в конце и после Великой Отечественной войны, когда храм стоял наглухо заколоченным. Вреда ему, впрочем, причинено не было.

После войны жители Сушек стали ходатайствовать об открытии храма. Наибольшую активность, как вспоминают прихожане, проявила Мария Ячина. Она собирала документы, ходила по инстанциям, из своего дома вынесла все, что только могло при-

годиться в храме. Муж шуточно сетовал: «Ну, ты уже все туда перетащила, до последней тесиночки!». Но в конце концов самоотверженность Марии и других селян была вознаграждена сторицей: в 1947 году храм вновь открылся. И с тех пор идут туда верующие из многих селений Рязанщины — Сушек, Кириц, Засечья, Иваново... Идут не только на праздники, венчания, крестины и отпевания, но и в святой для этих мест день — 26 июня, праздник Тихвинской иконы Божией Матери. Ибо в километре от Воскресенской церкви находится Тихвинский источник. К нему хаживал еще старец Никон. Говорят, в давние времена на этом источнике было явление иконы Богородицы. И вот с тех незапамятных времен доньине каждый год 26 июня богомольцы перед литургией служат молебны Царице Небесной, а потом отправляются крестным ходом из церкви Воскресения Слоущего к источнику.

2 марта 2004 года новым настоятелем Воскресенского храма стал протоиерей Илия Коростелев. Судьба его неординарна. Выпускник Рязанской радиотехнической академии, он однажды резко изменил свою жизнь и, окончив Московскую духовную семинарию, стал служить священником в церквях Рязанской епархии. Теперь отец Илия все свои силы отдает делу возрождения древнего храма в Сушках. А помогает ему в этом матушка Ксения.

Литература:

Рязанская энциклопедия. Рязань, 1992–1994.

Житие старца-подвижника, пустынноика Никона Андреевича Щербакова, основателя Сушкинского женского монастыря. Рязань, 1910.

Елена Викторовна Харитонова

Образы прошлого

Из собрания Центрального архива электронных и аудиовизуальных документов Москвы

**Фотографии известного краеведа и москвоведа
Надежды Ивановны Якушевой (1908–2002)**

*Надежда Ивановна Якушева.
Фотография 1955–1956 годов. 0-84346*

Краеведение, по верному определению академика Д. С. Лихачева, было и остается «самым массовым видом науки». К нему причастны не только ученые-специалисты, но и множество представителей широкой общественности. Это в полной мере относится к Н. И. Якушевой.

Ее отец Иван Петрович Никитин после окончания Московского технического училища имени Комиссарова-Костромского работал в текстильной промышленности. Мать,

Надежда Сергеевна, происходила из большой купеческой семьи Куприяновых-Елагиных. После переезда Никитиных в Москву (1916) вся дальнейшая жизнь Надежды Ивановны была связана с этим городом. Здесь она училась в школе, поступила на работу в Московское бюро съездовых стенографов при МК ВКП (б), окончив в 1929 году Высшие курсы стенографии. В 1934-м Надежда Ивановна вышла замуж за инженера-строителя Ивана Сергеевича Якушева, через год у них родился сын Сергей.

На протяжении нескольких десятилетий у супругов было общее увлечение — изучение архитектурного наследия. Путешествуя во Владимир, Ростов Великий, Новгород, Тверь, они не расставались с фотоаппаратом, благодаря чему в семейном архиве откладывались сотни интереснейших снимков. Любой краевед знает: ничто лучше фотографии не может во всех деталях передать облик того или иного памятника архитектуры или природного ландшафта, донести до нас изобра-

жения объектов, разрушенных временем или человеческой волей.

Москва, в особенности ее храмовая архитектура, занимала в краеведческих изысканиях Надежды Ивановны особое место. Она посвятила столице несколько десятилетий своей жизни, став настоящим знатоком московских древностей. Этот интерес отчасти был наследственным: еще в конце XIX — начале XX века И. П. Никитин фотографировал церкви. В составе документов личного фонда

*Троицкая церковь в усадьбе Троицкое-Кайнарджи Московской губернии. 1911—1912 годы.
(Фотография И. П. Никитина. — Ред.) 1-54638*

Н. И. Якушевой сохранилось несколько сделанных им негативов с изображениями храмов Московской губернии. Но главной причиной, скорее всего, являлось то, что Надежда Ивановна выросла в религиозной семье, где храм воспринимался не как памятник архитектуры, а прежде всего как духовный центр. И неслучайно наиболее значительным ее трудом 1970-х годов стал справочник московских церквей в пределах МКАД — «Сорок сороков», который, к сожалению, так и не был опубликован (730 листов машинописного и рукописного текста с различными вклейками из журналов и газет).

Начав собирать документы и различные реликвии, относящиеся к истории своей семьи, Надежда Ивановна постепенно увлеклась «семейной» темой. Исследования быта, традиций, нравов москвичей оформились в работу «Из истории ста московских семей».

Изучая памятники старой Москвы, Надежда Ивановна также не расставалась с фотоаппаратом. То, что она делала, следует назвать не просто фотографированием, а фотодокументированием. Есть архитектурные объекты, изменения состояния которых можно проследить по ее снимкам. Пример — храм Покрова Пресвятой Богородицы в Филях. Самые ранние фотографии этого храма датируются 1933 годом — временем закрытия, следующие относятся к началу 1960-х, когда началась реставрация, продлившаяся до 1980 года. Красноречиво говорят об отношении к культовым архитектурным сооружениям в годы советской

*Могила инокини Досифеи
в Новоспасском монастыре
среди хозяйственных построек.*

Москва, 1959—1965 годы. 0-67860

власти снимки территории Новоспасского монастыря: обшарпанные фасады корпусов обители, отданных под жилье, часовенка над могилой инокини Досифеи с пристроенными к ней вплотную сараями...

Надежда Ивановна фотографировала Москву в тот период, когда из центра и с окраин столицы стали исчезать одно-двухэтажные домики и особнячки с фасадами, украшенными деревянной резьбой или лепниной, а на их месте возникали железобетонные многоэтажки. Некоторые объекты — например, Таганские торговые ряды — запечатлены ею за несколько месяцев до их сноса.

Центральная часть Таганских торговых рядов (снесены в 1961 году).

Москва, 1960 год. 0-67903

АРХИВ

В 1955—1956 годах И. С. Якушев находился в командировке в КНР в качестве технического советника по строительству текстильных фабрик. Вместе с ним поехала и Надежда Ивановна. Впечатление от посещения этой страны нашли отражение в ее дневни-

ке «Китай и китайцы, увиденные глазами советской гражданки в 1955—1956 годах» и нескольких сотнях фотоснимков: исторические памятники, виды Пекина, Шанхая, Ханчжоу, Сианя, быт и обычаи местных жителей.

Беседки-карусели на территории книгохранилища Юэгулоу. Пекин, КНР. 1955 год. 0-84227

Земляные работы на одной из строек города Ханьдань. КНР. 1955—1956 годы. 0-84344

Грузчики-рикши на одной из улиц города Сиань. КНР. 1955—1956 годы. 0-83307

Выставка хризантем в парке имени Сунь Ятсена. Ханчжоу, КНР. 1955—1956 годы. 0-84332

АРХИВ

Фотодокументы Н. И. Якушевой — лишь небольшая часть богатейшего творческого наследия, оставленного нам краеведами прошлого. В настоящее время перед историками и архивистами стоит актуальная задача сохранения, освоения и введения этого богатства в научный оборот. Сегодня вниманию читателей «Московского журнала» предла-

гаются фотоснимки, являющиеся не только иллюстративным материалом краеведческих исследований Н. И. Якушевой, но и выступающие в качестве самостоятельных исторических источников. Технический уровень этих снимков зачастую невысок, однако их историческая ценность бесспорна, а некоторые можно отнести к категории особо ценных.

*«Хлебный дом» и въездные ворота на территорию Царицыно.
Московская область, 1934 год. 1-54667*

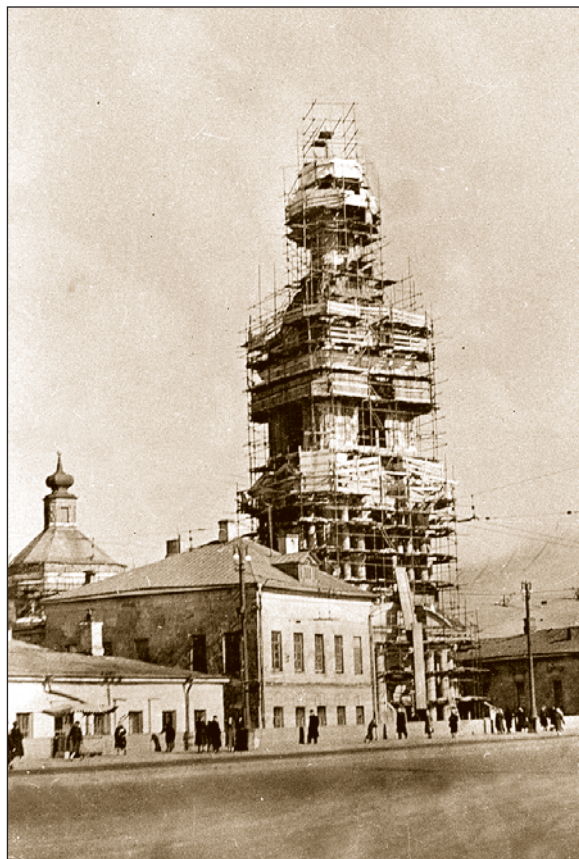

Дома на Житной улице (снесены в 1940 году). Москва, 1934 год. 1-53720

*Церковь Успения Божией Матери на Покровке
(снесена в 1936 году).
Москва, 1934 год. 1-53717*

*Колокольня церкви Троицы Живоначальной
в Серебряниках во время реставрации.
Москва, 1963 год. 0-76025*

*Церковь Николая на Болвановке.
Москва, 1963 год. 0-75957*

*Калужская площадь.
Москва, 1961 год.
0-66213*

*Дома
на Крестьянской
площади напротив
Новоспасского монастыря
(снесены в 1976 году).
Москва, 1959—1965 годы.
0-67866*

*Бывший дом княгини Бибарсовой на углу переулочка Обуха и улицы Чкалова.
Москва, 1963 год. 0-75943*

*Фрагмент фасада дома в Обиденском переулке.
Москва, 1963 год. 0-76021*

*Лепные барельефы на фасаде дома № 4 в Плотниковом переулке.
Москва, 1959—1962 годы. 0-66325*

*Дома в Малом Николоворобинском переулке (снесены в 1970-х годах).
Москва, 1959—1965 годы. 0-68005*

Тамара Викторовна Максимова

Усадьба и ее владелец

**Об усадьбе Кирицы, что на Рязанщине,
и создателе ее уникального архитектурного ансамбля
Сергее Павловиче фон Дервизе (1863 — после 1918)**

Общий вид усадьбы. Конец XIX века.

Фотография из семейного альбома С. П. фон Дервиза (Рязанский краеведческий музей)

Кирицы находятся в 20 километрах к югу от районного центра Спасска Рязанской области. Имение было приобретено С. П. фон Дервизом в 1885–1886 годах, а дворцово-парковый ансамбль на высоком правом берегу недалеко от впадения Прони в Оку складывался в 1886–1898 годах. Берег, прорезанный оврагом, спускается к пойме Прони довольно плавно; на этом живописном плато, покрытом лесопарком, и раскинулась усадьба. В нее не-

когда, кроме сохранившегося до наших дней дворца, входили конный двор, висячие мосты через овраги, въездные ворота, гроты, система прудов. Роскошный замок-дворец напоминал виллу эпохи Возрождения, во внешнем облике которой присутствовали черты различных стилей — псевдоготического, мавританского, классицизма, барокко, модерна.

Архитектурный ансамбль усадьбы Кирицы стал первой крупной самостоятельной рабо-

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

той известного впоследствии зодчего стиля модерн Ф. О. Шехтеля. Он возвел дворец, или, как его еще называют, «театральный дом» на основе старого двухэтажного здания. Немногочисленные материалы из архива Ф. О. Шехтеля позволяют считать годом окончания первого этапа строительства 1889-й, а годом завершения — 1898-й¹.

Полного описания усадьбы не удалось найти ни в дореволюционной², ни в советской литературе³. Однако, используя имеющиеся источники⁴, можно представить, как выглядели Кирицы в конце XIX — начале XX века при С. П. фон Дервизе.

Усадебный дом выдержан в ренессансно-барочном стиле с применением деталей ложной готики и расположен на верхней террасе пологого склона. На первом этапе Ф. О. Шехтель украсил фасад крупным фронтоном, образованным двумя готическими декоративными башенками. Здание соединили крытым переходом с флигелем, внутри которого была церковь. Между переходом и домом поставили двухэтажную башню. Для равновесия пристроили с востока крыло с башней, увенчанной четырьмя угловыми декоративными башенками и высоким шатром. Облик здания стал откровенно эклектичным. Флигель по фасаду декорировали ризолитом в псевдovосточном стиле, зубчатым парапетом и двумя угловыми башенками. Аркада фронтона опиралась на колонны с пышными капителями. Восточное крыло обработали рустом, что имитировало готический замок.

На втором этапе строительства зодчий пристроил с востока еще один корпус Г-образной формы. Центральную часть здания нарастили двухэтажным объемом аналогично восточному крылу. Северо-западная башня смотрела узкими проемами второго этажа и круглыми окнами третьего этажа. Открытый каменный балкон флигеля покоился на двух колоннах, а противоположный полукруглый балкон поддерживался чугунным орлом с раскинутыми крыльями. Тогда же к парадному входу пристроили балкон на четырех колоннах, повторяющий рисунок фасада. Дворовый же фасад был прост, скромен и практически лишен убранства. В доме неоднократно проводились перепланировки, фотографии интерьеров сохранились только в фамильном альбоме Сергея Павловича, хранящемся в Рязанском краеведческом музее.

Парадная лестница вела на террасу, где некогда на высоких постаментах стояли чугунные кентавры, придававшие дому романтический вид (ныне утрачены). Слева над лестницей находилась так называемая

*К. Е. Маковский. Портрет
Сергея Павловича фон Дервиза
(из альбома «Галерея Сергея фон Дервиза».
СПб., 1904). Предоставлен Г. Г. Дервизом.
Публикуется впервые*

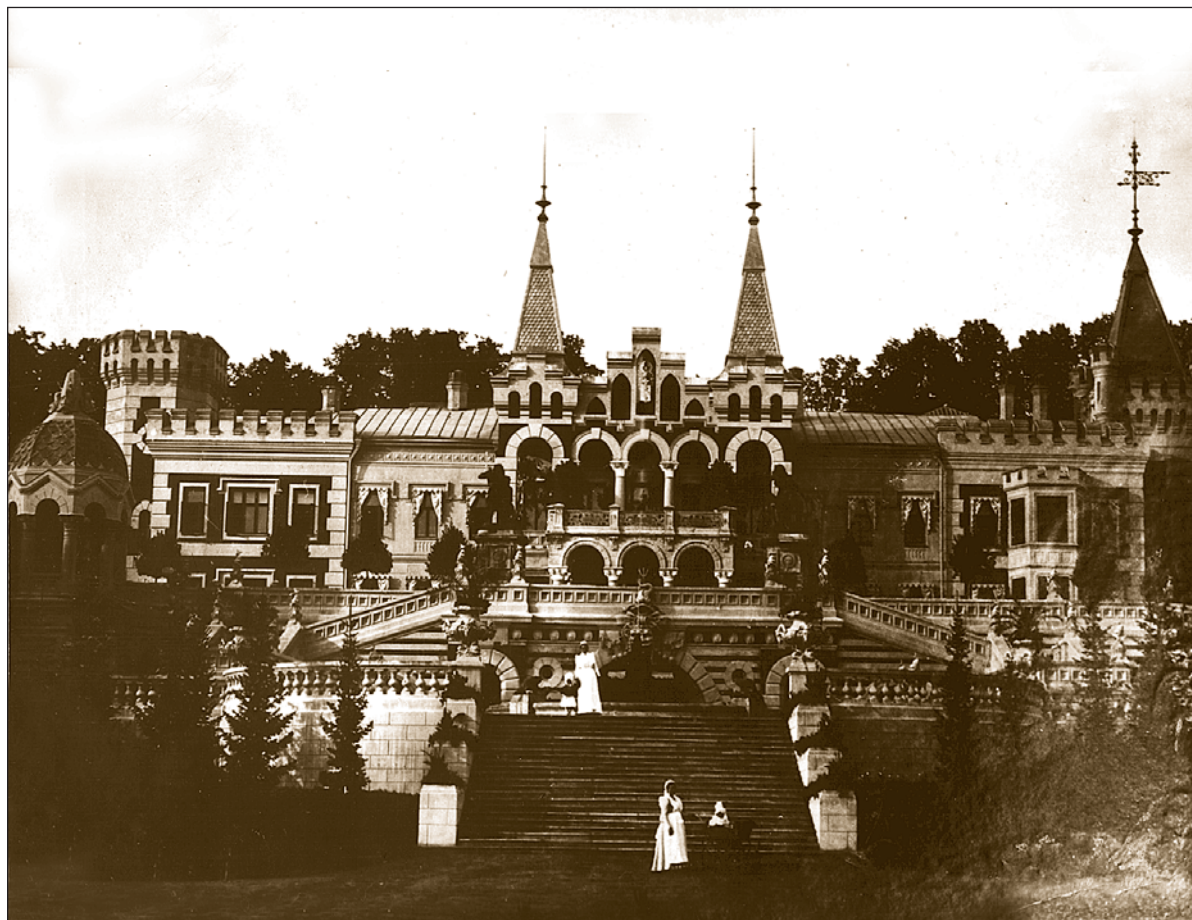
**ИМЕНИЕ БЫЛО ПРИОБРЕТЕНО
С. П. ФОН ДЕРВИЗОМ В 1885–1886 ГОДУ.
БЕРЕГ, ПРОРЕЗАННЫЙ ОВРАГОМ,
СПУСКАЕТСЯ К ПОЙМЕ ПРОНИ
ДОВОЛЬНО ПЛАВНО; НА ЭТОМ
ЖИВОПИСНОМ ПЛАТО
И РАСКИНУЛАСЬ УСАДЬБА.
ЕЕ АРХИТЕКТУРНЫЙ АНСАМБЛЬ
СТАЛ ПЕРВОЙ КРУПНОЙ
САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТОЙ
Ф. О. ШЕХТЕЛЯ.**

мавританская беседка — видовой павильон с восемью арками, покрытый куполом с чешуйчато-черепичной крышей и фигурами драконов.

К оврагу от верхней к средней террасе вели две симметричные трехмаршевые лестницы, а с левой стороны еще и полуциркульный пандус — явное подражание паркам Трианона и Версаля. Наверху лестницы образуют террасу, под которой расположен грот с аркой посередине и двумя входами. Перед гротом

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

*Усадьба Кирицы. Южный фасад дома.
Фотография 1898 года из архива Ф. О. Шехтеля (ГНИМА)*

*Архитектурные детали дворца. Фотография 1898 года из семейного альбома С. П. фон Дервиза.
(Рязанский краеведческий музей)*

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

*Эскиз обелисков-фонарей для моста
(из архива Ф. О. Шехтеля, ГНИМА)*

*Когда-то широкая тополиная аллея подводила
с запада к главному въезду — так называемым
Красным воротам*

Фотографии 1952 года из архива детского туберкулезного санатория «Кирицы»

на нижней террасе находился крупный фонтан с декоративной группой из необтесанного камня (не сохранился).

Все лестницы были украшены декоративными лепными вазами и скульптурами дельфинов. Внизу — цветники. Еще ниже шли пруды с мельницей, а за ними — фруктовые сады. От грота открывался великолепный вид на дом-дворец.

Ограда с башнями в псевдоготическом стиле спускалась к нижнему пруду. Исчезновение прудов несколько лишило очарования Кирицкую усадьбу, но это место и сейчас является украшением здешних окрестностей. Восточная ограда, идущая к реке, была стилизована под крепостную стену средневекового замка. Еще одна ограда — узорчатая чугунная — отделяла хозяйственный двор от усадьбы.

Большой интерес представляли усадебные ворота: четыре башни, связанные между собой стеной в виде буквы «С» с двумя шатровыми башнями, между которыми был вход (сейчас заложен). Стену прорезали двадцать арочных проемов, имитирующих бойницы. В восточной части усадьбы перпендикулярно к дому пристроен двухэтажный корпус.

Широкая тополиная аллея подводила с запада к главному въезду — так называемым Красным воротам. Они возведены в ложноготическом стиле, появившемся впервые в Петергофе в конце 1820-х годов и впоследствии ставшем модным в русской провинции. Красные ворота состояли из двух башен,

*На террасе на высоких постаментах стояли
чугунные кентавры, придававшие дому
романтический вид*

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

Фотографии на страницах 30—31 из семейного альбома С. П. фон Дервиза
(Рязанский краеведческий музей)

Интерьер главного усадебного дома. 1898 год

*Парковая
сторожка.
Конец XIX века*

*Ограда.
Конец XIX века*

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

соединенных аркой. Левая башня — квадратная, двухъярусная — завершалась четырьмя узкими четырехгранными шпилями, правую — также двухъярусную — венчал четырехгранный шатровый шпиль, покрытый чешуйчатой черепичной кровлей. Внутри башни — каменная винтовая лестница, на сегодняшний день сильно поврежденная. С обеих сторон к башням примыкала каменная ограда, прорезанная узкими арочными проемами. Слева стоял небольшой домик привратника, от которого уцелела часть стены.

От Красных ворот к усадебному дому простиралась ныне заросшая двухкилометровая аллея. Овраг, образовавшийся в бывшем русле реки Кирицы, она пересекала по арочному одиннадцатипролетному кирпичному мосту, вход на который прежде открывали массивные, с рисунком, ворота. Центральный пятипролетный участок моста выделялся по обеим сторонам четырехгранными обелисками с фонарями на изящных кронштейнах. И хотя мост сильно разрушен, по остаткам можно судить о его былом величии. Ранее здесь существовала специальная система фильтров, чтобы сооружение не разрушилось при разливе реки (утрачена). Севернее находился еще один мост через овраг — висячий чугунный. Парк по моде того времени был разбит в английском стиле. До конца XX века простоял старый дуб, рухнувший совсем недав-

но. От охотничьего домика сохранились лишь два изваяния собак, долгое время стоявшие на площади Павлова в Рязани.

Домовый храм освятили в июне 1889 года во имя преподобного Сергия Радонежского. «Семейство Сергея Павловича состояло из двенадцати лиц, причем два лица по старости и немощи не могли посещать приходской храм, когда там было общее богослужение для жителей села, а совершать свои молитвы дома в покоях смущались совестью», — писали «Рязанские епархиальные ведомости»⁵. Желая доставить домашним «душевный покой», хозяин добился разрешения устроить храм в усадьбе. Соединенный с домом длинным коридором, он «был не обширен, так как предназначен для одного семейства, но зато великолепен. Войдешь в него — не знаешь, на чем остановить свой взор. Все в нем приковывает к себе: и внутренняя изящность, и ценность ризницы, и богатство церковных сосудов. <...> Накануне освящения храма совершено в присутствии домового священника Николая Доброхотова всенощное бдение, а на другой день — освящение и исполнено клиросное пение многолюдным хором певчих Сергея Павловича под управлением известного московского регента Сахарова. <...> Радушный хозяин с супругой пригласили к себе на чай и к обеденному столу владыку, всех служивших с ним, своих знакомых и бывших в храме»⁶. Сам московский

*Домовый храм.
Фотография 1889 года*

генерал-губернатор В. А. Долгоруков помогал выбирать регента для организованного Сергеем Павловичем в Кирицах хора⁷.

* * *

С. П. фон Дервиз с 1884 года числился дворянином по Петербургской губернии. В 1888-м, женившись, он подал прошение о зачислении в состав дворянства Рязанской губернии, где находились его имения. В 1890 году Сергей Павлович заказал Ф. О. Шехтелю отделку своего московского дома на Садово-Черногрязской улице, чтобы жить и служить в Первопрестольной, поэтому как дворянин «по службе гражданской» внесен в 111-ю часть «Родословной книги дворянства Московской губернии»⁸. В советское время о нем было известно лишь то, что он — помещик, владелец рудников и заводов. Только в конце XX века, когда стали доступны архивы и многие дореволюционные издания, появилась возможность восстановить подробности его жизни.

Сергей Павлович происходил из немецкого дворянского рода, состоявшего на русской службе с 1762 года. Правнук генерал-майора, внук директора Гатчинского сиротского института, он родился в семье концессионера и строителя железных дорог Павла Григорьевича фон Дервиза и его жены Веры Николаевны в Петербурге. Детские годы прошли в Ницце, где мальчик получил хорошее домашнее воспитание. Вернувшись в Россию после смерти отца, он сдал в 1882 году экзамен на аттестат зрелости в Петербургской 4-й гимназии и сразу же поступил в университет. Прочился три года, из них два на юридическом факультете, который оставил, по его словам, из-за семейных обстоятельств⁹.

Вдова Павла Григорьевича осталась с двумя сыновьями — восемнадцатилетним Сергеем и одиннадцатилетним Павлом. Согласно духовному завещанию отца, над ними установили опеку, которую осуществляли брат умершего член Государственного совета Дмитрий Григорьевич фон Дервиз и сенатор Д. В. Готовцев. В 1884 году с достижением совершеннолетия Сергея опеку сняли, но Дмитрий Григорьевич обратился с всеподданнейшим прошением о продлении опеки над «личностью, имуществом и делами» племянников до совершеннолетия Павла. По Петербургу ходили слухи о расточительности Сергея и его связях с аферистами, в результате которых он уже потерял более 200 тысяч рублей. Дело было в том, что граф В. А. Шереметев, заключивший с нотариусом Маляхинским договор о разработке серебряных руд в Семипалатинске на разорительных

условиях, сумел уговорить Сергея заменить его в договоре¹⁰. Есть отчет 1887 года о результатах исследования серебряно-свинцовых и каменноугольных месторождений С. П. фон Дервиза в Семипалатинской области. Вывод гласил, что «места богаты рудами и углем, но <...> необходимо завезти оборудование и продолжить детальные исследования», то есть требовались новые денежные вливания¹¹. В личном архиве С. П. фон Дервиза сохранилось письмо генерал-губернатора Степного края Г. А. Колпаковского от 1888 года с пожеланием передать Сергею Павловичу последнюю часть заводов и рудников Поповых в Семипалатинской области, подлежащих продаже за долги (месторождения оказались малорентабельными)¹².

Опеку продлили еще на три с половиной года (на документе — подпись Александра III). Узнав об этом, Сергей и его мать Вера Николаевна подали жалобу императору. После проверки имущественного положения семьи опеку вновь отменили. Государь утвердил новое решение, заметив, что ранее его ввели в заблуждение. Все это получило в Петербурге широкий общественный резонанс¹³.

Отец Сергея, построив Московско-Рязанскую железную дорогу и заработав огромное состояние, в 1868 году вышел в отставку и уехал в Ниццу. Не обладая отцовской энергией, Сергей, тем не менее, хотел продолжить его дело — и здесь интересы фон Дервизов столкнулись с интересами фон Мекк. Страсти неоднократно разгорались на собраниях акционеров по поводу выборов председателя правления Рязанско-Козловской железной дороги, о чем вдова В. К. фон Мекк, компаньона Павла Григорьевича, сообщала в письмах 1884—1888 годов П. И. Чайковскому. Надежда Филаретовна возмущалась, что против нее «велась интрига, и всею этой низостью якобы заправлял человек, которому она дала возможность составить себе состояние». В январе 1888 года Н. Ф. фон Мекк писала композитору: «В нынешнем году мы <...> имели против себя людей, которые не останавливаются ни перед какими средствами. <...> Они нанимали чужие акции и платили, чтобы иметь голоса, они издержали, говорят, 112 тысяч на нынешнее собрание и выставили более 1,5 тысяч голосов наемными акциями. Все эти расходы делаются за счет этого несчастного Сергея Дервиза, и что его тот господин, который устраивается на его счет, доводит до разорения, — это гадко и подло»¹⁴.

После кончины отца Сергей оказался крупным держателем акций, но только в 1888 году ненадолго занял место председателя правления Рязанско-Козловской железной дороги. Это

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

К средней террасе с фонтаном и гротом ведут две симметричные трехмаршевые лестницы, а с левой стороны еще и полукруглый пандус. Наверху лестницы образуют террасу, под которой расположен грот с аркой посередине и двумя входами. Перед гротом на нижней террасе находился крупный фонтан с декоративной группой из необтесанного камня. Фотография автора. 2009 год

*Фасад дворца.
Фотография автора. 2009 год*

Герб рода фон Дервизов

**СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ ФОН ДЕРВИЗ
ПРОИСХОДИЛ ИЗ НЕМЕЦКОГО
ДВОРЯНСКОГО РОДА, СОСТОЯВШЕГО
НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ
С 1762 ГОДА. ПРАВНУК ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА,
ВНУК ДИРЕКТОРА ГАТЧИНСКОГО
СИРОТСКОГО ИНСТИТУТА, ОН РОДИЛСЯ
В СЕМЬЕ КРУПНОГО КОНЦЕССИОНЕРА
И СТРОИТЕЛЯ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ
ПАВЛА ГРИГОРЬЕВИЧА ФОН ДЕРВИЗА.**

было время, когда он с энтузиазмом берется за новые и новые проекты: пытается участвовать в строительстве Перекопского канала, занимается неясным «правым делом», в котором его поддержало 260 человек, и так далее¹⁵.

Весной 1892 года Сергей выдерживает экстерном испытания в Юридической комиссии при Императорском Московском университете и получает диплом I степени¹⁶. В 1895—1900 годах он служит чиновником особых поручений VI класса при Министре юстиции, а с 1901 года — при Министерстве финансов¹⁷.

Не бросая гражданскую службу, Сергей Павлович стремится к придворной карье-

ре. В 1896 году он уже имеет чин надворного советника и звание камер-юнкера. Возможно, приблизиться ко двору ему помогла та самая покупка рудников у несостоятельного В. А. Шереметева. А. А. Половцов — известный государственный деятель России, вращавшийся в высших правительственных кругах, писал, что «Шереметев сумел уговорить С. П. Дервиза заменить его в договоре с Маляхинским. На этом Сергей потерял более 200 тысяч рублей и, вероятно, потеряет еще очень много, но приобрел в Шереметеве союзника, с коим дружба покоится на металлических связях»¹⁸. Скажем здесь, что генерал-майор Свиты Его величества Владимир Алексеевич Шереметев (1847—1893) был флигель-адъютантом, командиром императорского конвоя, входил в ближайшее окружение Александра III и императрицы Марии Федоровны. Девять лет придворной службы доставили Сергею Павловичу чин действительного статского советника и звания камергера. За «особые труды и заслуги» (в основном на ниве благотворительности) он становится кавалером орденов Святого Станислава 4-й степени (1894), Святой Анны 2-й степени (1896), Святого Владимира 4-й степени (1901), ряда медалей и иностранных наград¹⁹.

В 1896 году С. П. Дервиз в качестве образцового помещика-хозяйственника участвовал во Всероссийской Нижегородской промышленно-художественной выставке, где в разделе «Лесоводство, охотничьи, пушные и рыбные промыслы» имел собственный оригинальный павильон, спроектированный и построенный инженером В. Н. Пясецким. Все части павильона — как конструкция, так и убранство, — были составлены из сельскохозяйственных орудий, изготовленных на лесных дачах Дервиза в Рязанской губернии (Кирицы, Карловка). По отделу «Лесоводство и лесная технология» Сергей Павлович получил Золотую медаль²⁰.

* * *

Сергея с юности влекло к искусству. Он интересовался живописью, литературой, театром, но больше всего — музыкой: брал частные уроки игры на фортепиано, а в возрасте 15 лет дал первый сольный концерт в Ницце, где исполнял Мендельсона. Через год в репертуаре Сергея появились произведения его любимых композиторов — Шопена и Моцарта²¹.

Едва достигнув совершеннолетия и получив наконец наследство, Сергей жертвует к 25-летию юбилею Русского музыкального общества 200 тысяч рублей. Через год (1885)

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

*Нижний Новгород.
Главный ярмарочный дом.
Фотография конца XIX века*

его избирают почетным членом Петербургской консерватории. Директором консерватории был К. Ю. Давыдов, который смог поставить на подобающую высоту оркестровой и хоровой классы и создал класс драматического искусства для оперных певцов. Это оказалось возможным благодаря пожертвованию Сергеем Павловичем неприкосновенного капитала в 230 тысяч рублей с предоставлением права расходования процентов согласно его указаниям²².

В литературе укоренилось представление, что С. П. фон Дервиз окончил Московскую консерваторию. Однако архивные документы опровергают этот факт, хотя в 1880–1890-х годах Сергей Павлович был вхож в музыкальные круги обеих столиц.

В Петербурге он сближается с композитором А. С. Аренским, профессорами консерватории К. Ю. Давыдовым, А. Г. Рубинштейном, пианисткой Софи (Софией Осиповой) Ментер, издателями П. И. Юргенсоном и М. П. Беляевым²³. По сообщению президента Музыкального фонда А. С. Аренского П. А. Кондратьева, Аренский посвятил С. П. Дервизу четыре фортепианных этюда (опус № 41, 1896), ноты которых находятся в научной музыкальной библиотеке имени С. И. Танеева при Московской консерватории. Посвящение сделано, видимо, в благодарность за финансовую помощь, оказанную Сергеем Павловичем в трудный период жизни композитора. Благодаря советам Аренского Дервиз мог постоянно совершенствоваться в технике игры и стал прекрасным пианистом. Сочинял он и музыку на собственные стихи. В нотном отделе Российской государственной библиотеки сохранилась партитура его романса для голоса и фортепиано «Как любила я летнюю пору», изданная Юргенсоном в Москве (1888).

**ПОСЛЕ КОНЧИНЫ ОТЦА СЕРГЕЙ
ОКАЗАЛСЯ КРУПНЫМ ДЕРЖАТЕЛЕМ
АКЦИЙ. ЭТО БЫЛО ВРЕМЯ,
КОГДА ОН С ЭНТУЗИАЗМОМ БЕРЕТСЯ
ЗА НОВЫЕ И НОВЫЕ ПРОЕКТЫ...**

Облигация Общества Рязанско-Козловской железной дороги, выпущенная в 1885 году

А. С. Аренский.

Фотография начала 1900-х годов

dic.academic.ru

**В 1880–1890-Х ГОДАХ СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ
БЫЛ ВХОЖ В МУЗЫКАЛЬНЫЕ КРУГИ
ОБЕИХ СТОЛИЦ. В ПЕТЕРБУРГЕ
ОН СБЛИЖАЕТСЯ, В ЧАСТНОСТИ,
С КОМПОЗИТОРОМ
А. С. АРЕНСКИМ И ПРОФЕССОРОМ
КОНСЕРВАТОРИИ А. Г. РУБИНШТЕЙНОМ**

После возвращения из Москвы в Петербург в 1895 году А. С. Аренский в письме С. И. Танееву пишет: «Недавно виделся я здесь у Дервиза с московскими музыкантами Брандуковым и Печниковым»²⁴. Хорошими знакомыми Сергея Павловича в Москве были директор консерватории В. И. Сафонов, пианист Н. С. Зверев, вышеупомянутые виолончелист А. А. Брандуков и скрипач А. А. Печников. В 1889 году он делает пожертвования в пользу нуждающихся студентов Московской консерватории. В письме директора консерватории В. И. Сафонова П. И. Чайковскому от 22 февраля 1890 года сообщается, что в связи с убытием С. М. Третьякова из состава дирекции на его место вступает С. П. фон Дервиз, чтобы в будущем оказывать консерватории помощь.

Однако Сергей Павлович становится только почетным членом Московской консерватории, а не постоянным членом дирекции, о чем есть сведения в переписке П. И. Чайковского и Н. Ф. фон Мекк. В очередной раз вдова жалуется композитору: «В последнем собрании акционеров <...> Дервиз и Ададуров выставили против меня всю консерваторию — ватага во главе с Н. С. Зверевым. Ему было бы очень гадко привести всю консерваторию с голосами миллионера Дервиса (так в этой и следующей цитатах. — *Т. М.*) для того, чтобы помогать его интриге против нас» (инженер И. Е. Ададуров состоял членом правления Московско-Казанской железной дороги и дирекции Московского отделения Русского музыкального общества). П. И. Чайковский опровергает это предположение, заявляя, что «дело Дервиса-Ададунова преувеличено. <...> Ныне никто из нас его (С. П. Дервиза. — *Т. М.*) в глаза не видел, кроме Третьякова, не обращался с просьбой о вступлении в число директоров»²⁵.

В 1900 году пресса сообщала, что известный в Москве меценат С. П. фон Дервиз подарил Московской консерватории орган, выполненный в мастерской Аристиды Кавайе-Колля в Париже. По согласованию с дирекцией РМО и консерваторией инструмент решили сначала показать на проходившей в том же году Парижской выставке в роскошном Парадном зале Русской секции. Фирма фон Дерви-

*И. Е. Репин. Портрет композитора
А. Г. Рубинштейна. Холст, масло. 1881 год*

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

*Орган большого зала Московской консерватории. Фотография 1899 года.
(Из книги Соловьевой Т. А. «История особняка фон Дервизов на Английской набережной». СПб., 2009)*

зов имела в Париже свое представительство, оплату произвел брат Сергея Павел. Во время выставки состоялся концерт знаменитых французских органистов. Орган удостоился Гран-при и Золотой медали выставки. Затем его разобрали, перевезли в Москву и установили на сцене Большого зала консерватории. Общая стоимость органа составила 45902 рублей 73 копейки. В фондах Музея музыкальной культуры имени М. И. Глинки хранится переписка директора Московской консерватории В. И. Сафонова и С. П. фон Дервиза по поводу приобретения и установки органа²⁶. На инструменте выгравировано имя мецената.

С 1894 по 1898 годы Сергей Павлович состоял действительным членом Русского литературного общества²⁷, за большие денежные пожертвования театрам был избран почетным членом Петербургского драматического общества²⁸. В 1899 году он получил уведомление Императорского Палестинского православного общества об избрании его почетным членом²⁹. Состоял Сергей Павлович также членом Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии³⁰.

В 1900 ГОДУ ПРЕССА СООБЩАЛА, ЧТО ИЗВЕСТНЫЙ В МОСКВЕ МЕЦЕНАТ С. П. ФОН ДЕРВИЗ ПОДАРИЛ МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ ОРГАН. НА ИНСТРУМЕНТЕ ВЫГРАВИРОВАНО ИМЯ МЕЦЕНАТА.

С 1868 года в Петербурге существовало Императорское техническое общество, деятельности которого весьма способствовали крупные пожертвования все того же С. П. фон Дервиза³¹. Сергей Павлович являлся постоянным членом Общества вспомоществования нуждающимся ученицам женской профессиональной школы, участвовал в организации Съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию, делал взносы в пользу учебных и благотворительных заведений, помогал приюту принца Ольденбургского в Санкт-Петербурге и приюту-богадельне в Неаполе

(1889—1890), в Московском институте для девиц благородного звания оплачивал обучение Елены Павловны Благово — впоследствии известной певицы³².

В Рязанской губернии Сергей Павлович с 1889 года состоял членом Ученой архивной комиссии, почетным попечителем мужской и почетным блюстителем Мариинской женской гимназий вместе с братом Павлом (с 1903), почетным членом Тамбовского попечительства детских приютов и почетным смотрителем Спасского трехклассного училища. Избирался почетным мировым судьей Спасского уезда Рязанской губернии (1890, 1893, 1896, 1899) и предводителем дворянства (1900—1907)³³.

На 75-летний юбилей Училища правоведения Сергей Павлович вносит 5 тысяч рублей³⁴. В 1905—1906 годах он являлся почетным членом Правоведческой кассы и попечителем Охтенского механического технического училища³⁵. При его участии в 1889 году было основано Инзерское горное общество с капиталом 2,4 миллиона рублей, которое построило новый Инзерский чугуноплавильный (1893) и Лапыштинский заводы (эти заводы в Башкирии до сих пор выдают продукцию)³⁶.

Благотворительность — не просто семейная традиция фон Дервизов, можно сказать, что она была у них в крови. Сергей Павлович помогал приютам, храмам, крестьянам Рязанской губернии. Так, в дошедшем до нас письме крестьяне-погорельцы деревни Шелковой и села Доброго Соты Пронского уезда благодарят его за денежное вспомоществование по 25 рублей на двор в связи с пожаром (помощь оказана 42 дворам)³⁷. Санкт-Петербургская газета «Новое время» в номере от 31 января 1888 года сообщала: «На Петербургской стороне по Широкой улице существует дешевая столовая, устроенная на средства С. П. фон Дервиза, посещаемая чернорабочими, студентами и чиновниками. Обед из 2-х блюд стоит 21 коп. Столовая поражает чистотой и свежестью провизии и устроена не с коммерческой целью, а благотворительной. Поэтому она убыточна — чистый убыток 6 руб. в год». Другая общедоступная столовая С. П. Дервиза работала на Большой Ружейной улице.

* * *

Как уже говорилось, получив огромное наследство, Сергей Павлович сделался очень богатым человеком. Он владел двумя домами на Английской набережной в Петербурге, домом в Москве, виллами в Каннах и Лугано, обширными имениями в селе Мирозком Киевской губернии (с конным заводом), в Кири-

*Сергей Павлович фон Дервиз
с первой женой Анной Карловной Якоб.
Фотография конца XIX века*

цах Спасского уезда и Карловке Сапожковского уезда Рязанской губернии.

Основным местом жительства семьи в 1896—1898 годах становится Петербург, лето Дервизы все чаще проводят во Франции; Кирицы, напротив, посещаются все реже. Во время народных волнений 1905 года усадьба сильно пострадала. В 1908 году ее продали светлейшему князю Константину Николаевичу Горчакову.

Первой женой С. П. фон Дервиза была Анна Карловна Якоб (1867—?), именем которой названо Аннинское серебряное месторождение в Семипалатинской области. Однако брак оказался бездетным и недолгим. Марина Сергеевна Шениг с конца 1890-х годов — вторая жена Сергея Павловича. Парадный портрет «Мадам фон Серж Дервиз» кисти Бенджамина Константа хранится в Музее изящных искусств в Ницце. Он выставлялся в Парижском салоне 1899 года и нередко появлялся на страницах французских журналов.

Сделав единовременный взнос, Сергей Павлович стал почетным членом Императорского общества поощрения художеств, поэтому мог заказывать портреты и картины лучшим живописцам того времени³⁸. Неудивительно также, что он значительно обогатил начатую еще отцом художественную коллекцию первоклассными произведениями русской (И. К. Айвазовский, И. И. Шишкин, К. Е. Маковский) и запад-

ноевропейской живописи. До наших дней в хорошем состоянии дошел альбом гелиографур и автотипий с живописных полотен, входящих в собрание Сергея Павловича. Это подарочное издание (СПб., 1904) под названием «Галерея Сержа фон Дервиз» включает 100 страниц иллюстраций и 100 страниц сопроводительного текста.

Придворная служба в звании камергера давала возможность Сергею Павловичу и его жене присутствовать на балах и быть представленными их императорским величествам. В круг его общения входили такие лица, как великие князья Константин Николаевич, Константин Константинович, Сергей Александрович, московский генерал-губернатор С. П. Долгоруков, министр народного просвещения И. Д. Делянов, министр финансов С. Ю. Витте, обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев. Вращаясь в этих сферах, Сергей Павлович собрал коллекцию автографов многих известных людей. Коллекция была обнаружена в 1951 году в ЦГИА (Ленинград) и с 1966 года находится в ЦГАЛИ (Москва).

Дворец в Кирицах, особняки в Москве и Петербурге украшали выдающиеся произведения изобразительного и прикладного искусства — картины, скульптура, барельефы, фарфор, стекло, мебель. Нефтепромышленник Л. К. Зубалов, купивший у С. П. фон Дервиза московский дом, приобрел у него и небольшую коллекцию немецкого фарфора (чашки с портретами греческих философов, статуэтки, вазы), которая позднее попала в Музей-усадьбу Кусково.

В свое время Сергей Павлович купил у К. Е. Маковского полотна «Дети на жниве» и «Смерть Иоанна Грозного», а также заказал ему портрет матери и свой фамильный портрет. В 1888–1889 годах в парижской мастерской художник написал 13 панно для петербургского особняка Дервиза. Публика смогла ознакомиться с этими декоративными панно, изображавшими античные аллегорические сюжеты. Сам Маковский, однако, счел некоторые панно неудачными и поэтому не подписал их. В 1940-х годах они продавались в Париже и сейчас находятся в частных коллекциях в США и Западной Европе, а в последнее время появляются на международных аукционах³⁹. Так, на аукционе Торгового дома «Сотбис» в Нью-Йорке в 2006 году выставилось полотно К. Е. Маковского «Туалет Венеры». Картину заказал С. П. фон Дервиз для особняка на Галерной, но дом пришлось продать. Новый хозяин захотел приобрести полотно, однако оно не было подписано. Маковский запросил за свою

подпись немалые по тем временам деньги — 100 рублей, хозяин платить отказался, «Венера» осталась «не завизированной» художником, но «нет никакого сомнения в том, — утверждала газета «Коммерсант», — что автор этого гигантского (длиной почти 4 метра) мыльно-розового полотна с павлином в центре — король русского салона К. Маковский». «Счастливую Аркадию», исполненную в легкой декоративной манере по законам монументального панно, в 2007 году продали на аукционе «Сотбис» на Украину.

В семье С. П. фон Дервиза было четверо детей. Марина, родившаяся в 1897 году, умерла в 1914-м в Каннах (наследственный костный туберкулез). На кладбище Гран-Жа ей поставлена изящная в новорусском стиле часовня с коваными воротами работы русского художника Д. С. Стеллецкого. Потом родились дочь Вера (1898), долгожданный сын Сергей (1899), дочь Павла (1901). Супруга Дервиза Марина Сергеевна занималась воспитанием детей и благотворительностью.

Миллионы Сергея Павловича многим не давали покоя, а он не умел отвечать «нет». Потратив большую часть состояния на благотворительные цели, постройку имения Кирицы и отделку особняка в Петербурге, Дервиз оказался в долгах. Этому способствовал и разразившийся в конце 1890-х годов кризис, и события 1905 года в России. В 1908-м

Бенджамин Констант. Портрет Марины Сергеевны фон Дервиз. Из альбома «Галерея Сержа фон Дервиз». СПб., 1904

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

Сергей Павлович обращается за помощью в Донской коммерческий банк. В том же году Марина Сергеевна дает мужу доверенность на управление всем принадлежавшим ей имуществом и уезжает с детьми в Париж, а он еще остается какое-то время в России для уплаты долгов, продажи имения в Кирицах и особняков в Петербурге. После революции судьба семьи по отечественным документам не прослеживается. В 1932 году в Каннах на площади Станисласа, 6 велось строительство дворца Vallombrosa для «барона Сержа фон Дервиза» — семиэтажное здание с гаражом в цокольном этаже, террасой и лифтом. Предположительно заказчиком был 33-летний сын Сергея Павловича — Сергей. Марина Сергеевна умерла 30 октября 1947 года в Каннах же после тяжелой болез-

ни⁴⁰. Точная дата смерти Сергея Павловича неизвестна (после 1918). Дочь Вера Сергеевна, в замужестве Чадвик, скончалась 6 марта 1966 года в Лондоне⁴¹.

* * *

А в Кирицах после революции началась совсем другая жизнь. В 1918 году во дворце разместили сельскохозяйственное училище, потом лесной техникум. В 1934-м все здания вместе с парком и лесом передали в ведение Наркомздрава. Здесь был организован дом отдыха, а вскоре (1938) открыт санаторий для лечения детей с костно-суставным туберкулезом. В 1941 году санаторий эвакуировали на Алтай, в Кирицах находился военный госпиталь.

Усадьба Кирицы сегодня. Фотографии автора. 2009 год

После войны в усадьбе начались капитальные достройки и перестройки, существенно нарушившие гармонию отдельных частей дворца. В последующие годы шехтелевские творения пришли в совершеннейшее запустение. Статус федерального памятника усадьба Кирицы получила только в 1970 году, тогда же начались реставрационные работы. Интенсивная реставрация главного здания, парковой ограды, лестниц, грота, беседки (правда, с большими перерывами) проводится с 1996 года силами Рязанского научно-реставрационного управления.

Летом 2008 года администрация санатория «Кирицы» отмечала 145 лет со дня рож-

дения С. П. фон Дервиза. Улицу, на которой находится учреждение, назвали его именем. Снят документальный двухсерийный фильм с интригующим названием «Творить благое дело. Проклятие рода Дервизов» (сценарист Л. Соколова, режиссер А. Богатырев, продюсер Т. Вороницкая). В последнее время передачи о Кирицах появляются на местном и центральном телевидении. В 2008-м столичным бюро экскурсий «Орфей» организована экскурсия в Кирицы. Автолюбители, проезжающие мимо усадьбы, сворачивают с трассы, чтобы поближе полюбоваться прекрасным дворцом...

¹Министерство культуры РСФСР. Научно-реставрационное объединение «Росреставрация». Институт спецпроектирования. Историческая справка памятника архитектуры конца XIX в. усадьбы Кирицы Спасского района Рязанской обл. М., 1978 (рукопись).

²Зодчий. 1898. № 11. С. 25; 1890. № 7–8. С. 37.

³Вагнер К. Г., Чугунов С. В. Рязанские достопримечательности. М., 1989. С. 131–136.

⁴Историческая справка...

⁵Рязанские епархиальные ведомости. 1889. № 13. С. 562–564.

⁶Там же.

⁷РГИА. Ф. 1113, оп 1, д. 66.

⁸Там же. Д. 63.

⁹ЦИАМ. Ф. 418, оп. 77, д. 482, л. 13.

¹⁰Победоносцев К. П. Письма и записки. М., 1923. Т. 1. Ч. 1. С. 685, 953.

¹¹Отчет горного инженера К. И. Гривнак о результатах исследований, производимых им на серебряно-свинцовых, медных и каменноугольных месторождениях г.г. С. П. фон Дервиза и Е. И. и М. П. Махлянских в Киргизской степи. СПб., 1887. С. 39, 64.

¹²РГИА. Ф. 1113, оп. 1, д. 67.

¹³Кони А. Ф. Собрание сочинений. Т. 8. Письма 1868–1927 гг. М., 1969. С. 99, 366.

¹⁴Чайковский П. И. Переписка с Н. Ф. фон Мекк. Т. 3. М.—Л., 1936.

¹⁵РГИА. Ф. 1113, оп. 1, д. 68, 73, 75.

¹⁶ЦИАМ. Ф. 418, оп. 463, д. 3, 4, 26, л. 92.

¹⁷Весь Петербург. Адресная и справочная книга. СПб., 1893–1914; Весь Петроград. Пг., 1915–1917.

¹⁸Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. Т. 2. М., 2005. С. 81.

¹⁹Придворный календарь на 1897–1909 гг.

²⁰Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Н. Новгороде. М., 1896. С. 16, 22.

²¹Google. Интернет-сайт Universite de Nice. Dominique Laredo.

²²РГАЛИ. Ф. 661, оп. 1, ед. хр. 64, л. 50; Пузыревский А. И., Саккети Л. А. Очерк пятидесятилетия деятельности Санкт-Петербургской консерватории. СПб., 1914. С. 67–68, 90.

²³Там же; РГИА. Ф. 1113, оп. 1, д. 69.

²⁴Танеев С. И. Материалы и документы. Переписка и воспоминания. Т. 1. М., 1952. С. 147.

²⁵Чайковский П. И. Переписка с Н. Ф. фон Мекк. Т. 3. М.—Л., 1936.

²⁶www.glinka museum/documents/02pdf. Рукописи. С. 121.

²⁷РГАЛИ. Ф. 2161, оп. 1, ед. хр. 3, л. 28.

²⁸РГИА. Ф. 1113, оп. 1, д. 64, 70.

²⁹Там же.

³⁰Рязанская энциклопедия. Т. 1. Рязань, 1999. С. 292.

³¹Очерк истории постоянной комиссии по техническому образованию при Императорском техническом обществе с его основания в 1868 г. до 1889 г. СПб., 1889. С. 22–24.

³²Благово Н. В. Шесть столетий рода Благово. СПб., 2007.

³³Памятная книжка и адрес-календарь Рязанской губернии. Рязань, 1886–1914.

³⁴Ко дню LXXV юбилея Императорского училища правоведения. 1835–1910. СПб., 1910. С. 82, 86, 89, 92.

³⁵Там же.

³⁶Краткий очерк истории Челябинской области. Челябинск, 1965. С. 140.

³⁷РГИА. Ф. 1113, оп 1, д. 72, 60, 76.

³⁸Общества поощрения художеств. Отчет за 1896 г. СПб., 1897. С. 6–7, 57.

³⁹Максимова Т. В. Меценат, коллекционер, благотворитель. Коллекционеры из Рязанских усадеб. Рязань, 2008. С. 121–126.

⁴⁰Русская мысль. Париж, 1947. № 30.

⁴¹Там же. 1966. № 2440 (объявление родственников).

Екатерина Владимировна Уварова

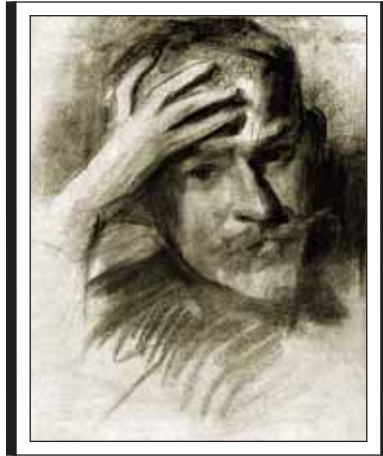
«Мне нужно набраться старинного духа...»

Усадьба Зубриловка в творчестве художника
Виктора Эльпидифоровича Борисова-Мусатова (1870–1905)

Каждый, кто хоть однажды посетил Третьяковскую галерею, наверняка останавливался перед картинами В. Э. Борисова-Мусатова или хотя бы перед «Водоемом». Написана картина в одной из самых блестящих дворянских усадеб русской провинции — Зубриловке. Именно здесь произошел перелом в творчестве художника и были созданы его лучшие полотна.

Усадьба расположена на границе Саратовской и Пензенской областей на берегу Хопра. Она возвышалась над роскошным регулярным парком, украшенным мраморными скульптурами. Ее величие подтверждают слова очевидцев, посетивших Зубриловку уже в 1920-х годах: «Тишина, поросшие травой и полевыми цветами полукруглые площадки перед домом, соседство старого уютного парка, остов памятника последней четверти XVIII века, <...> быть может, одного из самых привлекательных и значительных памятников этой эпохи во всем Нижне-Волжском крае, и сейчас еще производят сильное впечатление»¹.

В 1899 году Борисов-Мусатов пишет управляющему усадьбой Н. В. Соколову:

*В. Э. Борисов-Мусатов.
Автопортрет.
Бумага, уголь. 1904–1905 годы*

«Меня очень заинтересовало предложение посмотреть эту старину. <...> Мне нужно набраться старинного духа, и я надеюсь, что найду там его. Мне нужны кое-какие подробности старинной обстановки. <...> И дом, и старый парк <...> мне интересны»².

Просьба художника была удовлетворена, и в 1901 году он приехал в Зубриловку. Так состоялось его первое знакомство с этим местом.

...В 1780-х годах Екатерина II пожалована своему флигель-адъютанту С. Ф. Голицыну земли у берегов Хопра. Строительство усадьбы началось сразу же

под пристальным присмотром Варвары Васильевны Голицыной. Трехэтажный дом имел два парадных фасада — южный и северный. Первый считался парковым, второй — главным. Затем возвели церковь и отдельно стоящую треугольную в плане колокольню. Был разбит регулярный парк, в глубине которого построили романтическую и загадочную «Башню-руину Ольги», названную так в честь рано умершей дочери Голицыных (она появится в картине художника гораздо позже — и то как-то призрачно, невнятно — в акварели «Сон божества»). На том месте, где внезапно от сердечного приступа скончалась Варвара Васильевна, соорудили монументальную часовню в форме усеченной пирамиды.

Уже при художнике усадьба пребывала в запустении, редко посещаемая тогдашними хозяевами.

Первая получившая широкую известность картина В. Э. Борисова-Мусатова «Гобелен» (1901) была написана здесь почти экспромтом. Именно в Зубриловке он обрел главную тему своего творчества. Не стоит искать в произведениях художника реальных персонажей

АЛЬБОМ

и исторических эпох — их нет. «В его лиризме исчезает все временное и местное»³. Это у многих вызывало раздражение и недоумение. Однако выбор состоялся. В Зубриловке живописец попал в атмосферу, столь созвучную его сокровенному внутреннему миру, услышал долгожданную «мелодию старины», сделал первый шаг к созданию, быть может, главного своего произведения — «Водоема».

В 1902 году Борисов-Мусатов вновь приехал в Зубриловку вместе с сестрой Еленой и художницей Еленой Владимировной Александровой — будущей женой.

Они ходили на этюды, гуляли. Именно здесь определилась их судьба: любовь стала взаимной, очевидной и породила «Водоем», для которого художнику позировали сестра и невеста.

«Эту картину я напишу сейчас или никогда. Ведь после начнется другая жизнь. Все меня захватит, вероятно, в другой форме. И я хочу, чтобы слава этой картины была твоим свадебным подарком», — писал Борисов-Мусатов Елене Владимировне⁴.

Полотно — на первый взгляд, простое и скромное, — принесло художнику славу. «Музыкальная скорбь «Водоема» будет говорить со все увеличивающейся силой самым отдаленным нашим потомкам, которые будут истонченнее к восприятию, но не перестанут мечтать, любить и печаловаться»⁵.

Осенью Е. В. Александрова покинула Зубриловку. Вместо тихой радости пришла тихая печаль, усугубленная атмосферой окружающего запустения. А ведь когда-то здесь кипела жизнь! Да еще какая! Нескончаемые гости, фейерверки, иллюминации, балы... Где все это? Огромный дом, переполненный антиквариатом

В. Э. Борисов-Мусатов. Гобелен. Холст, темпера. 1901 год

В. Э. Борисов-Мусатов. Водоем. Холст, темпера. 1902 год

В. Э. Борисов-Мусатов. Призраки. Холст, темпера. 1903 год

АЛЬБОМ

Усадьба Зубриловка сегодня. Фотографии автора. 2009 год

Северный фасад усадебного дома

Южный фасад

«Башня-руина Ольги»

и предметами искусства, безлюден... И в 1903 году художник пишет картину «Призра-

ки»: южный фасад-ротонда усадебного дома, а перед ним — призраки когда-то живших

и веселившихся здесь людей. Только на этом полотне можно четко различить усадебный дом. Времени опять же нет — есть только место.

Покидая Зубриловку в 1902 году, художник не знал, что покидает ее навсегда. Не узнал он и о печальной участи усадьбы: быть разграбленной и сожженной в результате крестьянского погрома. Произошло это 19 октября 1905 года; художника не стало через неделю — 26 октября он тихо скончался в Тарусе.

* * *

В 2009 году я посетила Зубриловку. Запустение и полная разруха — вот что предстало моему взору. Дом стоит без крыши, фасады изуродованы, только южный по-прежнему красив и величав, несмотря на черные глазницы окон и обшарпанную штукатурку. Парк превратился в лес, в котором чудом удалось отыскать «Башню-руину Ольги». От водоема не осталось ничего — ныне неизвестно даже место его расположения. Лишь картина Борисова-Мусатов продолжает напоминать о нем...

¹Леонтьев А., Леонтьев В. Зубриловка. Саратов, 1928.

²Шилова К. Борисов-Мусатов. М., 2000.

³Муратов П. Пейзаж в русской живописи //Аполлон. 1910. № 4.

⁴Шилова К. Указ. соч.

⁵Ростиславов А. Сезонное искусство //Мир искусства. 1904. № 3.

АЛЬБОМ

ИНФОРМНАУКА

ИНФОРМНАУКА

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ СТРАН СНГ И ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ!

ООО „ИНФОРМНАУКА“ осуществляет:

- ПОДПИСКУ НА РОССИЙСКУЮ ПЕРИОДИКУ
- ЭКСПОРТ РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ И КНИГ
- КОМПЛЕКТОВАНИЕ ФОНДОВ НАУЧНЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ БИБЛИОТЕК
- ПОСТАВКУ РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ НА ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЯХ

Россия, 125190, Москва, ул. Усиевича, 20
Тел.: +7(495) 787-38-73. Факс: +7 (499) 152-54-81
E-mail: alfimov@viniti.ru www.informnauka.com

ПОДПИСКА-2010
— ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ —

ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ

- 1 Российские и зарубежные газеты и журналы
- 2 Книги и учебники

ПРЕССА РОССИИ

1 ГАЗЕТЫ
ТОМ И ЖУРНАЛЫ

ПОДПИСКА-2010
по Объединенному каталогу
«Пресса России»

С октября 2009 г. во всех почтовых отделениях проводится подписная кампания на «Московский журнал. История государства Российского» по Объединенному каталогу «Пресса России» на первое полугодие (январь - июнь) 2010 года.

Индекс 42158

Условия оформления подписки (аннотация, стоимость) вы найдете в I томе каталога (стр. 387)

СПРАШИВАЙТЕ НА ПОЧТЕ ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»!

Вниманию читателей!

При подготовке к печати материала В. Б. Муравьева «Теперь, когда я уже много лет москвовед...» («Московский журнал», 2009. № 12) в процессе набора текста была допущена ошибка: первая работа Владимира Брониславовича о Москве увидела свет не в 1964-м, как сказано в публикации, а в 1946 году. Здесь же сообщаем, что автором фотографии В. Б. Муравьева (2009), открывающей материал, является Алексей Вячеславович Буторов.

Архиепископ Никанор (Бровкович)

О значении семинарского образования

Глава из книги «Поучения, беседы, речи, воззвания
и послания Никанора, архиепископа Херсонского
и Одесского» (т. V. Одесса, 1891)

От редакции

Архиепископ Никанор (Бровкович. 1826–1890) — видный православный богослов, философ, академический деятель, проповедник. Литература о нем, особенно дореволюционная, достаточно обширна; мы можем отослать читателя, например, к «Русскому биографическому словарю», ограничившись здесь лишь самыми краткими сведениями. Происходил владыка из старинного священнического рода Могилевской губернии, рос в сельской местности. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию (1851), преподавал там. Ректор Рижской (1856–1858), Саратовской (1858–1864), Витебской (1865–1868) духовных семинарий, ректор и профессор Казанской духовной академии (1868–1871). Доктор богословия (1869). Хиротонисан во епископа с назначением викарием Донской епархии (1871). Епископ Уфимский и Мензелинский (1876). Епископ (с 1883), архиепископ (с 1886) Херсонский и Одесский. Автор многочисленных статей, книг, сборников поучений, посланий и бесед. Личностью он был во всех отношениях незаурядной. Как говорится в том же «Русском биографическом словаре», «наделенный богато от природы разнообразными талантами, развитыми путем многостороннего образования, человек живой, экспансивный и необычайно трудолюбивый, преосвященный Никанор оставил по себе память на всех поприщах своей деятельности».

Содержание публикуемой ниже (в сокращении) беседы «О значении семинарского образования» далеко не исчерпывается заявленной в названии темой. Владыка полемизирует здесь с газетой «Гражданин» по весьма широкому кругу вопросов. Для нас в этой полемике важно то, что она возрождает и вновь делает доступными ныне во многом утраченные исторические контексты, вне которых нельзя адекватно представить общественную и духовную ситуацию в России XIX века.

Архиепископ Никанор (Бровкович).

Фотография из книги «Поучения, беседы, речи, воззвания и послания Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского» (т. V. Одесса, 1891 год)

<...> В последнее время раздался резкий отзыв стародавнего предубеждения против нашего духовного образования, носящего кличку у известной клики нашей интеллигенции непочетную, чуть не бранчивую, кличку вообще семинарского. Некоторые убеждены — да многие ли из светских и не убеждены? — и кричат, что оно чуть ли не более вредно для общества, чем полезно. Отзвук этот раздался именно в самые последние дни по поводу смерти печального продукта якобы семинарского образования Чернышевского; раздался особенно громко и резко в самой консервативной из наших газет, в «Гражданине»*.

Редактору «Гражданина» выражаем искреннюю признательность за твердость и искусство в отстаивании самых первых основ нашего отечества: русской народности, самодержавия и православия. Но и у него есть известные всем предубеждения, из которых вытекают и крайности суждений. А предубеждения истекают из преувеличенного культа дворянства. Правда, и это почтенно, и это нам глубоко сочувственно — усердие в отстаивании русского дворянства, которое было и остается одним из столпов русского отечества. Но нужны строгая правда и умеренность в суждениях о сравнительных достоинствах и заслугах в служении отечеству разных его членов. У «Гражданина» мерка отчасти пристрастна. Где дворянство проявляет свое служение отечеству, там выставляются только доблесть и величайшая польза; другие же отрасли народа служат отечеству всяко, а некоторые и совсем плохо. Из русского народа, не касаясь инородцев, «Гражданин» не любит разночинцев и, по-видимому, особенно семинаристов. Отсюда летят — не скажу комки грязи, но нелегкие и неправые обидные удары и вообще в семинарское образование. Извинительно, если мы скажем несколько слов в его защиту, в защиту самих себя, в защиту своего дела, своего духа, своего настроения. Перейдем к частностям, чтобы вывести общее заключение. <...>

«Гражданин» не знает Чернышевского как семинариста, не знает вообще и семинариста, и бьет семинариста сплеча, по неведению. «Сын бедного священника, — пишет «Гражданин» (1889 г. № 291, дневник) — необыкновенно способный и даровитый молодой Чернышевский, кроме этих дарований, привез с собой в Петербург целый осадок в душе той духовной сажки, которая натлилась в нем как роковая принадлежность бурсацкого развития, и достаточно было первого соприкосновения этого осадка с тогдашнею литературною средой, чтобы эту сажку зажечь и дать его душе воспламениться пожаром самого сильного либерализма. Чернышевский нашел в Петербурге не друзей, а подстрекателей и поджигателей и, оторванный бурсою от общения с народной почвой и с историей своего народа, весь отдался в Петербурге веяниям и влиянию западной европейской политической цивилизации».

Повторяю, «Гражданин» не знает Чернышевского. А я знаю его — по крайней мере лучше «Гражданина». В глаза я не видал Чернышевского никогда. Но я близко знал его отца, которого и опустил в могилу, над которым говорил и надгробное слово; два раза видел его жену; знал их родовую семью и быт ее. Много слышал и знал о его воспитании и последующей судьбе.

*«Гражданин» — политическая и литературная газета-журнал консервативно-монархического направления, основанная упоминаемым ниже известным писателем и публицистом князем Владимиром Петровичем Мещерским (1839–1914). Издавалась в Санкт-Петербурге в 1872–1914 гг.; одно время (1873–1874) редактировалась Ф. М. Достоевским (*прим. ред.*).

ИЗ РУССКОЙ ДУМЫ

Воспитание Чернышевского было совсем исключительное. Дворянское, в нашей духовной среде совершенно неслыханное. Отец его, Гавриил Иванович Чернышевский, был первая в Саратове и Саратовской епархии духовная особа из белого духовенства, саратовский кафедральный протоиерей. Образования семинарского, но с редким толком и развитием человек. С ранних лет священства носитель преразнообразных начальственных должностей, любимец, самое доверенное лицо как у духовного, так и у светского по духовным делам начальства. Трудно назвать духовную должность, которой он не носил, духовное начальственное поручение, какого не выполнял. Это был один из самых религиозных священников, каких на своем веку я знал. Назвать хотя ту редкость, что, будучи уже довольно глубоким старцем, каким я его знал, он ежедневно бывал у всех церковных служб в соборе, от которого жил не близко, когда от дома своего должен был взбираться к собору на весьма высокую гору, к чему кафедральный протоиерей, обремененный разными должностями и начальственными поручениями, нимало не обязуется, чего почти никто из кафедральных протоиереев и не делает. Замечательна еще черта, что, бывало, в церкви он никогда не сядет, даже до начала службы, когда приходилось, бывало, ждать прибытия архиерея к службе весьма не коротко. «Да садитесь». — «Нет, уж я постою», — бывало, скажет; это когда ему уже было под 70 лет. А службы бывали долгие и преутомительные. Бывало, ждем прибытия архиерея полчаса, час; Гавриил Иванович стоит, во время службы, конечно, стоит; во время проповеди не сядет; в крестный ход бредет, да еще архиерея держит под руки. <...> Откуда у человека силы брались? <...> За богоугодным времяпрепровождением и смерть его застигла. Уже лошадка была запряжена и стояла у крыльца, чтобы везти его в будний день к обедне. Он вышел из своего кабинета к семье с бумагой в руке, опустил на кресло и говорит: «Послушайте, я вам почитаю». В этот момент левая рука, державшая бумагу, тихо опустилась. И богобоязненный старец протоиерей Гавриил Иванович Чернышевский отошел ко Господу без стопа и звука, даже без особого заметного вздоха, без тени агонии. Сердце просто, как маятник, бесшумно остановилось, и душа тихо отлетела... Это был редчайший тип духовного лица, священника Божия. Кроме разнообразных редких достоинств, он обладал еще редкой в своем круге благовоспитанностью и необычайной во всяком круге сдержанностью в слове и в движении. При том на нем не лежало ни тени светскости. Он был наидостойнейшее отражение привлекательнейшего сановито-смирного типа священства. Вообще не словоохотливый, не шумливый, подобно более или менее пустой бочке, потому что носил в себе полноту самых серьезных дум и забот, а, конечно, и печалей, и не позволял себе никогда ни единым словом заикнуться о своем сыне, незадолго перед тем шумной знаменитости, а пред смертью отца — светило, которое начинало задерживаться мрачной надвигающейся тучей грозы. Все это понимали, как и отец, все об этом и толковали, но кроме одного молчаливого отца, близкого к тяжкому удару потерять единственного, дорогого, незаменимого, но увы! блудного сына. <...> Надо думать, тихо горя, он и скончался неожиданно для всех от разрыва сердца... За кротость и благочестие души Бог избавил его от горя, от тягчайшего двусмысленного положения, конечно, и от позора дожить до ареста сына. <...>

Выходит, что Чернышевский юный был сын не бедного священника, а знатного протоиерея. Не был он и бурсак. Если между духовным юношеством бывают люди светского образования и направления, то Чернышевский был ультра-светский. По своему развитию он выдвигался из ряда вон. Отец Чернышевский

ИЗ РУССКОЙ ДУМЫ

женат был на Пыпиной. С Пыпиным, отцом известного писателя и семьей их, он жил весь век свой до самой смерти. Это была семья светская, дворянская, хотя и не богатая. Светское, даже либеральное направление ее известно. В этой среде Чернышевский родился и рос. Семью их я хорошо не знал; а что слышал о ней в Саратове, то в подробностях позабыл. Но хорошо помню молву, что для развития Чернышевского, единственного сына знатного в своей среде отца и урожденной светской матери, с раннего детства приставлен был гувернер-француз. Ему-то в Саратове и приписывали первоначальное направление юного Чернышевского. Да вот, кстати, читаем воспоминания об его детстве его товарища по семинарии протоиерея Р. («Саратовский Листок» 1889 года, № 234):

«До поступления в семинарию Чернышевский был подготовляем преподавателями семинарии и гимназии. Не бывши в духовном училище, он в 1843 г., 16-ти лет поступил прямо в семинарию. Начитанность его и научные познания (уже тогда) до того были обширны, что приводили всех в изумление. Языки знал он: латинский, греческий, еврейский, сирский, французский, немецкий, английский и польский». Скажите, сколько над ним поработано с детства вне семинарии разными преподавателями и гувернерами! <...> Понятно, что мальчика с раннего детства сильно развивали разные наставники. «Семинарский курс был тогда шестилетний и разделялся на три отделения: низшее, среднее и высшее, с двухгодичными сроками в каждом. Чернышевский пробыл два года в низшем, один год в среднем и уехал в университет». Итого в семинарии пробыл он всего три года, будучи необыкновенно тщательно развит не по летам и образован далеко выше семинарского курса своих сверстников. По воспоминаниям сверстника протоиерея, как и по моим, основанным на воспоминаниях саратовцев, Чернышевский был в самой высокой степени мальчик благовоспитанный, крайне деликатный и сдержанный. Все показывало в нем, что он питомец высокообразованной, элегантно, светской, а никак не бурсацкой среды.

Все это показывает в «Гражданине» полное незнание Чернышевского-юноши и полную несостоятельность слов, будто «молодой Чернышевский, кроме своих дарований, привез с собой в Петербург целый осадок в душе той духовной сажи, которая натлилась в нем, как роковая принадлежность бурсацкого развития». Это только слова, и злые слова, клевета на Чернышевского и заодно на бурсацкое развитие. Бурсацизм ни малейшего притязания на Чернышевского предъявлять не может. Он весь, кроме рождения от своего отца, принадлежит светскому миру, особенно же по умственному своему развитию.

Прежде чем стать петербургским деятелем, Чернышевский был студентом Петербургского университета. И «Гражданин», по-видимому, не знает, что Чернышевский-юноша в Петербурге подпал сразу же под господствующее влияние известного литератора Введенского, своего земляка по Саратову. В Саратове в начале 1860-х годов ходило по рукам печатное жизнеописание Введенского, в частности, описание его юношеской жизни в Саратове. При редкой даровитости Введенский был необычайно благочестивый юноша, даже аскетического направления. Осталось предание, что в Саратове по ночам он уединялся на загородную Соколову гору на берегу величественной Волги молиться и петь «Слава в вышних Богу», каждое утро показывающему нам свет в лучах загорающей утренней зари и восходящего солнца из-за волгской шири. <...> Скажите, кто же испортил религиознейшего юношу Введенского, превратив его в отъявленного атеиста в Петербурге? Бурса ли, или же университетская среда? Так было,

тот же преобразовательный процесс совершился в 60-х и 70-х гг. и со всеми питомцами семинарии. «Гражданин» этого не знает и подтверждает своими словами светскую сплетню о нигилизме бурсаков-семинаристов. Я видел весь этот процесс, переход многих семинаристов в атеистов и нигилистов собственными глазами и скажу по архиерейской совести, как видел и знаю.

О Введенском передавалось, что из саратовской семинарии он поступил было в Московскую духовную академию, но оттуда как студент, начавший обнаруживать уже вольные склонности, был устранин, после чего поступил, помнится, в Петербургский университет. Там он налег на изучение иностранных языков и иностранной литературы. Без сомнения, оттуда почерпнул он свои антихристианские и атеистические идеи. Так как в царствование Николая I щеголять этим нельзя было, то Введенский отлично искусно носил личину благонамеренности, был наблюдателем преподавания словесности во всех кадетских корпусах, славился в литературе своими действительно образцовыми переводами романов Диккенса и вообще слыл в мою пору (в исходе 40-х и начале 50-х годов) в Петербурге за человека сильного ума, <...> причем однако же на ухо передавалось: «Не верит ни в Бога, ни в ...».

К нему-то как земляку-саратовцу под крылышко и попал юноша Чернышевский по прибытии в Петербург. Тут вот действительно осадок первоначального детско-юношеского развития в Чернышевском, соприкоснувшись с атеистическим настроением Введенского, загорелся ярким и крепким пламенем. Атеистическое направление Чернышевского в мою пору в Саратове объяснялось именно влиянием на него в детстве его гувернера-француза, а в юности — влиянием Введенского, но никак не бурсы, к которой он и не принадлежал.

По окончании курса в Санкт-Петербургском университете открытым атеистом воротился он в Саратов на родину, в дом отца, тут женился и поступил преподавателем в саратовскую гимназию. О гимназической и вообще саратовской его деятельности я слышал от тогдашнего директора саратовской гимназии А. А. Мейера, весьма благонамеренного и даже религиозного человека, от Н. И. Костомарова (известного историка. — *Ред.*), весьма религиозного тогда человека, и других. <...> Тем не менее религиозность Мейера и Костомарова не мешала им относиться сочувственно и дружественно к талантливому, хотя и увлекающемуся Чернышевскому. Мейер, покровительствуя, оберегал его, юного наставника гимназии, который готов был зарваться и попасть в беду. Но уже и тогда в Саратове Чернышевский наметил себе цель жизни — разрушать по меньшей мере религиозный порядок. Говорят, он был необычайно тонок и остроумен и мог проводить разрушительные мысли в неуловимых двусмысленностях. Но при этом он и не стеснялся и, увлекаясь духом эпохи, иногда выступал в поход открыто и прямо к своей цели разрушения. Костомаров рассказывал, что в одном обществе, где зашла как-то речь о Творческой Премудрости, Чернышевский заметил: «Да, да, что и говорить. Кажись, и я распорядился бы умнее в устройстве мира. Вот примерно Алтайский хребет я кинул бы на берегах Ледовитого океана. Тогда и северная, и средняя Азия были бы обитаемы: северная была бы теплее, не скована в своих льдах, а средняя холоднее — не потонула бы в своих песках». Саратовское общество по тогдашней моде сочувствовало Чернышевскому, а светское начальство даже покровительствовало. Но восстал против него — конечно, осторожно — тогдашний Саратовский епископ преосвященный Иоанникий, бывший впоследствии архиепископ Варшавский, скончавшийся Херсонским. Разведав, что Чернышевский в гимназии проводит явно безбожные идеи, преосвященный Иоанникий стал называть эти вещи по имени

ИЗ РУССКОЙ ДУМЫ

и Чернышевский вынужден был убраться из Саратова в Петербург. Куда же больше? Большому кораблю большое плавание.

О петербургской жизни и деятельности Чернышевского «Гражданин» также говорит что-то неудобоприятное и неуместное. «Чтобы судить о том, что была за эпоха в то время, достаточно припомнить, что Чернышевский прибыл в Петербург с задачей быть учителем в кадетском корпусе». Пишу по воспоминаниям тогдашних молв, быть может, и по тому, что читалось в книгах. Но теперь с книгами не справляюсь, быть может, в чем-либо и ошибусь. В Петербург уехал он, как сказано, потому, что вытеснен был из Саратова влиянием Саратовского епископа Иоанникия. Уехал под крылышко своего воспитателя Введенского, который был надзирателем за преподаванием словесности над всеми кадетскими корпусами. Без сомнения, место доставил ему ни кто иной, как Введенский же. «Педагогическая карьера его, однако, остановилась у порога, — продолжает «Гражданин», — и его всецело захватила тогдашняя журнальная среда. Время и среда были такие, что множество подлецов той эпохи из того лагеря (теперь слывущих за спокойных деловых людей) очень рады были таких молодых даровитых людей пускать вперед застрельщиками, чтобы играть их жизнями, а свои дешевые шкуры беречь для чиновных карьер»... Что вы говорите, г. «Гражданин»? Известно, что молодого Чернышевского принял под особое покровительство тогдашний министр народного просвещения Головин и другие повыше... Из этого гнезда вылетали все орлы первых годов царствования Александра II — освободителя Святой Руси от вековых пут. От них же и Чернышевский. Его пригласили в сотрудники, чуть ли не в редакторы новооткрытого «Военно-морского сборника» (название точно не помню), поставившего себе одной из задач, если только не главной задачей, искоренять темные беспорядки николаевских времен. Дело делалось чисто официальным порядком под самыми высшими покровительством, одобрением и поощрением. О каких тут «подлецах» может быть речь? Тогда высшее начальство желало этого, искало и требовало. А скоро Чернышевский перешел в «Современник» и стал сам силой, очень замечательной в Петербурге. Тогда его друг и покровитель А. А. Мейер, побывав в Петербурге, говорил мне в Саратове с тревожными предчувствиями: «В широкополой шляпе с толстой палкой в руках идущий по Невскому проспекту, теперь Чернышевский в Петербурге сила!».

Неправду же пишет «Гражданин», выражаясь буквально так: «Вот в чем заключалась гнусная черта той эпохи: ни одного человека не нашлось (не нашелся ни один человек в этой среде либералов), чтобы при виде дарований и способностей Чернышевского пожалеть его и помимо всех, помимо его самого спасти его, попытаться хотя бы спасти его»... Что вы говорите, г. «Гражданин»? Чернышевский знал, что делал. Он из первых шел напролом, хотя и осматривался кругом с крайней тревогой. Известно, что в противогосударственном замысле уличили его с немалым трудом. А замыслам его против религии даже рукоплескали. Тогда была на это мода. Да и теперь прошла ли она? Не может быть, чтобы богобоязненный отец его не предостерегал; чтобы такие друзья его, как Мейер и Костомаров, не предостерегали; чтобы подобные же друзья его и в Петербурге, даже из либералов, не предостерегали. Его предостерегал, посредственно ли, непосредственно ли, преосвященный Иоанникий Саратовский. Против его атеистической школы писал целые сочинения о бытии духа человеческого и Божественного даровитый и глубокомысленный профессор Киевской духовной академии, впоследствии бывший профессором философии в Московском университете Юркевич. Чер-

нышевский ответил на это дерзкой критикой известных доказательств Бытия Божия. Мы тогда читали и изумлялись сколько легкомыслию и отваге писателя, столько же и толеранции общества и правительства. Но забыл, или не знал, или не желает знать «Гражданин» поразительный факт — установление особых молений в Бозе почившим святителем Филаретом в пределах Московской Церкви. Эти моления установлены были в виду страшных знамений того времени — распространения тлетворных идей в среде образованного юношества и всего общества. По-видимому, к святителю Московскому последовал запрос касательно побуждений к сему из высших сфер. И он тогда напечатал «Слово священнослужителя»... (далее забыл), отвечающее по поводу введения в пределах Московской Церкви особых молений о благосостоянии Церкви и отечества. Богомудрый святитель указал тогда на три частных мотива (кроме общих): 1) на Чернышевского — его критику доказательств Бытия Божия, <...> 2) на Пиотровского, который дерзнул напечатать критику на Нагорную беседу и уличать самого Спасителя в незнании современной науки, и 3) на Семевского, который дерзнул напечатать устав Петра I о «всепьянственнейшем Соборе». Кто из читавших тогда это горькое слово богомудрого святителя может забыть его до своего гроба! Многим и из светских, конечно, взгрустнулось от этого вещего слова. Но кто из высших послушался его! <...> Так не говорите, г. «Гражданин», что «не нашлось тогда ни одного благородного человека, чтобы предостеречь даровитого Чернышевского от гибели, на которую он шел»... Дело в том, что он шел на гибель, поощряемый многими. Тем не менее, и предостерегали его также очень многие. Предостеречь его вслух всей Святой Руси — сделал ему эту высочайшую честь святитель Московский Филарет. Но Чернышевский не хотел послушаться. <...> Чернышевского «Гражданин» представляет каким-то ребенком, даровитым, но слабосердечным, тогда как сам он мнил себя, да и другие все мнили его, да и был он действительно, да и история поставит его предводителем фаланги атеистов той эпохи.

Что тут бурса может приписать себе в Чернышевском? Ничего, кроме способности его к философскому мышлению, которое в наших заведениях разрабатывалось всегда издавна, которым светские тогда совсем не отличались. <...>

Утверждая, что бурса производила нигилизм и нигилистов, «Гражданин» повторяет только общую молву светской интеллигентной среды, которая сваливала беду с своей больной головы на здоровую. Как сказано, я видел процесс превращения семинаристов в нигилистов собственными глазами. Семинарии по коренному своему призванию не могли готовить ни атеистов, ни нигилистов. Семинаристы в 50-х годах так же, как и в 60-х годах, все и постоянно упражнялись в благочестии: все поголовно ходили на утреннюю и вечернюю молитвы в неотступном присутствии ректора и инспектора. За утренней молитвой ежедневно читалась Библия. Молитвы читались пред началом каждого классного урока и в конце, в начале и в конце обеда и ужина. По воскресным и праздничным дням все без исключения присутствовали за Божиими службами. Два раза в году говели. Присутствовали тогда за всеми преждеосвященными литургиями. Классное преподавание наставников происходило под бдительным надзором ректора и инспектора, тогда монахов. Малейший намек на вольность преподавания преследовался строго и по возможности тотчас же устранялся. За чтением книг, только благонамеренных, строго следил инспектор монахов. Откуда бы тут взяться атеизму?

Окончание в следующем номере

Украшающие богослужение*

История и день сегодняшний Регентской школы
при Московской духовной академии

*Свято-Троицкая Сергиева лавра.
Современная фотография*

Регентская школа — специальное православное учебное заведение, в котором готовят руководителей (регентов) церковных хоров. Еще шла война, а в Москве началось возрождение духовных школ. Это оказалось «сродни воскрешению евангельского Лазаря с той лишь разницей, что не четыре дня, а четверть века — с 1919 по 1944 [год] — они были обвиты пеленами и погребены»¹.

Начавший в 1944 году преподавать в Православном богословском институте при Новодевичьем монастыре Иван Николаевич Аксенов (1880–1958) организовал «хороший студенческий хор, который вместе с прихожанами

Успенского храма часто пел за богослужениями»². Однако здесь возникли определенные трудности. Так, учебный обиход церковного пения имелся только в одном экземпляре и не соответствовал необходимым требованиям. Ивану Николаевичу пришлось составить новый нотный сборник, представлявший собой, по отзыву профессора протоиерея Дмитрия Богомолова (1947), «свод песнопений на весь годичный круг богослужений. Песнопения эти — не плод творческой композиции, а сборник песнопений, принятых Православной Церковью и отпечатанных в синодальных изданиях. <...> В клир церковный вступают

*Статья подготовлена редакцией по материалам, предоставленным нынешним заведующим Регентской школой архимандритом Макарием (Веретенниковым), а также по его публикациям на эту тему.

лица, не прошедшие старой духовной школы. Они вынуждены бывают петь «как придется». А это грозит серьезной опасностью для церковного благочиния. Вот и нужно эту надвигающуюся опасность встретить должным отпором. Труд И. Н. Аксенова для этого является прекрасным пособием».

9 мая 1947 года учащиеся духовной школы посетили недавно открывшуюся Троице-Сергиеву лавру. «Это паломничество положило начало традиции индивидуальных поездок в лавру»³, а в 1948–1949 годах состоялось возвращение школы в обитель преподобного Сергия⁴.

Святейший Патриарх Алексей (Симанский) проявлял особую заботу о певческом деле. В своей речи «О церковном пении» в 1948 году глава Церкви выразил озабоченность, что традиция церковного пения прервалась, а приходящие в храмы «нотные» певцы привносят светский дух, будучи далекими от церковных певческих традиций, хотя являются музыкально грамотными⁵.

С 1949 года в качестве нового предмета «в Академии ввели курс истории церковного пения в России»⁶. И. Н. Аксенов стал проводить занятия по хоровому и регентскому делу с желающими воспитанниками семинарии и студентами академии, а также составил «Очерк истории православного церковного пения в России»⁷. Кроме того, по благословению Патриарха Алексея в марте 1950 года в духовной школе организуется музыкальный кружок, для которого закупаются рояль, две скрипки и виолончель. Руководила его работой Мария Николаевна Ильченко⁸. Первоначально желание заниматься в кружке изъявили 54 студента. Постепенно это число уменьшалось, но лучшие из оставшихся образовали струнный ансамбль, выступавший на торжественных мероприятиях академии.

Работа в кружках велась все более организованно. Дополнительно закупились музыкальные инструменты. С 1953 года в академии действовал кружок «по постановке певческого голоса во главе с В. И. Курочкиным»⁹, а с 1950-го — регентский во главе с И. Н. Аксеновым, которого в 1955 году сменил Н[иколай] С[ергеевич] Данилов»¹⁰. В кружке вокально-речевой культуры обращалось внимание, в частности, на тональную согласованность иерейских возгласов и диаконских прошений с пением церковного хора. Занятия по вокалу предусматривали приобретение навыков чтения на церковно-славянском языке и произнесения проповедей. В конце учебного года проходили испытания в присутствии администрации академии.

Большую заботу о церковном пении проявлял тогдашний ректор МДА протоиерей Константин Ружицкий (1888–1964) — сам «большой любитель пения, считавший, что к управлению хором нужно привлекать как можно больше учащихся»¹¹. Музыкально-певческая жизнь в академии была довольно насыщенной: наряду с богослужениями и спевками велась подготовка к различным концертам, кроме того, в МДА выступали хоры разных храмов Москвы¹².

9 МАЯ 1947 ГОДА УЧАЩИЕСЯ ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ ПОСЕТИЛИ НЕДАВНО ОТКРЫВШУЮСЯ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВУ ЛАВРУ. «ЭТО ПАЛОМНИЧЕСТВО ПОЛОЖИЛО НАЧАЛО ТРАДИЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПОЕЗДОК В ЛАВРУ», А В 1948–1949 ГОДАХ СОСТОЯЛОСЬ ВОЗВРАЩЕНИЕ ШКОЛЫ В ОБИТЕЛЬ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ.

Чувствовалось и постоянное первосвятительское попечение о пении¹³. Так, после академического акта 14 декабря 1953 года Святейший наградил всех хористов, участвовавших в праздничном концерте¹⁴. Подобное происходило неоднократно.

В 1955/56 учебном году работой кружка регентского и хорового дела стал руководить вышеупомянутый Н. С. Данилов, выпускник Московского синодального училища церковного пения, регент хора московского храма Всех Святых на Соколе. Одновременно с уроками дирижирования он давал учащимся навыки игры на фисгармонии. Занятия в музыкальном кружке по-прежнему вела М. Н. Ильченко.

В мае 1955 года Патриарх Алексей I освятил Покровский академический храм, где начались регулярные службы. «Для будничного богослужения сформировали десять групп певчих. Для каждой из них требовался регент. Но такого количества хороших регентов найти было невозможно, несмотря на то, что с 1950 года существовал регентский кружок под руководством сначала И. Н. Аксенова, потом Н. С. Данилова»¹⁵. Поэтому руководство духовной школы предприняло дополнительные усилия по подготовке регентов, повышению их певческой культуры.

Много лет в Московской духовной семинарии трудился ее выпускник (1950), преподаватель церковного пения Марк Харитонович Трофимчук, окончивший также и академию (1954). Учебой аспиранта Трофимчука руководил Н. С. Данилов. В результате 18 июня 1956 года Марку Харитоновичу было присвоено звание регента.

В 1958 году организовываются три хора для пения в академии и лавре, которыми руководили Марк Трофимчук, Николай Ричко и Владимир Бульчук.

**В 1969 ГОДУ «ВМЕСТО ВОКАЛЬНОГО
КРУЖКА УЧРЕЖДЕН РЕГЕНТСКИЙ КЛАСС,
КОТОРЫЙ ВОЗГЛАВИЛ НИКОЛАЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ МАТВЕЕВ» (1909–1992).
ЭТО БЫЛ ПЕДАГОГ-ПРАКТИК,
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ЦЕРКОВНЫЙ
МУЗЫКАНТ И ГОРЯЧИЙ ПОБОРНИК
ПЕВЧЕСКОГО ДЕЛА.**

С 1957 по 1999 год М. Х. Трофимчук вел занятия церковного пения в семинарии. За усердные труды он удостоился Патриарших грамот (1971, 1975, 1984), орденов Святого равноапостольного князя Владимира II степени (1979) и Преподобного Сергия Радонежского II степени (1985). На его отпевании ректор МДА архиепископ Верейский Евгений (Решетников) сказал: «Вся жизнь Марка Харитоновича в московских духовных школах была связана с пением. <...> И сейчас множество тех священников и диаконов, которые служат по всему лицу земли Российской, помнят его как своего преподавателя и благодарны ему за те навыки в церковном пении, которые он им передал».

В сентябре 1956 года руководителем музыкального кружка стал Д. А. Штраус, сменивший М. Н. Ильченко¹⁶. В кружке регентского и хорового дела продолжал вести занятия Н. С. Данилов. В 1956/57 учебном году он поставил вопрос о необходимости при обучении церковному пению перехода с квадратной ноты на «круглую общепринятую», поскольку распевы Осмогласника, изложенные в квадратной нотации, отличаются от напевов, принятых в клиросной практике академии. Для осуществления этого начинания были составлены соответствующие пособия¹⁷.

Назначенный в 1966 году новым ректором МДА епископ Дмитровский Филарет (Вахромеев)¹⁸ также уделял большое внимание хоровому делу. Он «часто собирал музыкальную комиссию, в которую входили инспектор и все регенты как академических, так и лаврских хоров. Под руководством ректора были отредактированы все восемь гласов «Господи, воззвах...» и другие песнопения, чтобы установить единообразие исполнения в академии и храмах лавры»¹⁹.

14 декабря 1964 года на Филаретовском вечере в академии выступил хор учащихся под управлением регента Богоявленского патриаршего собора Виктора Степановича Комарова²⁰, тогда же возглавившего регентский кружок²¹ (называется, впрочем, и другая дата: «С 1968 года <...> в течение ряда лет он (В. С. Комаров. — *Ред.*) вел занятия регентского кружка в Московской духовной академии»²²).

9 сентября 1967 года председатель Учебного комитета при Священном Синоде архиепископ Таллинский и Эстонский Алексей (впоследствии — Патриарх Московский и всея Руси) направил ректору МДА Положение о регентском кружке. В сопроводительном письме говорилось: «Настоящее Руководство рассмотрено ректорским совещанием, принято Учебным комитетом, утверждено Святейшим Патриархом Алексием и предназначено для внедрения его в жизнь с нового 1967/68 учебного года во вверенной Вашему преосвященству духовной семинарии и академии вне учебной сетки». Положением определялось трехлетнее обучение, целью которого становилось приобретение занимающимися на добровольных началах музыкально одаренными воспитанниками семинарии и студентами академии навыков управления церковным хором.

В 1969 году «вместо вокального кружка учрежден Регентский класс, который возглавил Николай Васильевич Матвеев» (1909–1992)²³. Это был педагог-практик, замечательный церковный музыкант и горячий поборник певческого дела. Он родился в Вильно, в 1918 году переехал в Сергиев Посад. Окончил вечернее отделение 1-го музыкального техникума (1930), Московский архитектурный институт (1935), работал в разных проектных организациях, в Университете марксизма-ленинизма. Параллельно учился на заочном отделении дирижерского факультета Музыкально-педагогического института имени Гнесиных. С 1927 года руководил церковными хорами в Загорске и Тарасовке, с 1948-го управлял хором в храме иконы Божией Матери «Всех

Николай Васильевич Матвеев

ПЕНИЕ ХОРА ПОД УПРАВЛЕНИЕМ Н. В. МАТВЕЕВА ПРОИЗВОДИЛО НЕИЗГЛАДИМОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ НА МОЛЯЩИХСЯ, СОЗДАВАЯ ГЛУБОКИЙ ДУХОВНЫЙ НАСТРОЙ. ОН ОБЛАДАЛ НЕЗАУРЯДНЫМ ПЕДАГОГИЧЕСКИМ ЧУТЬЕМ, УМЕЛ НАЙТИ ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К КАЖДОМУ УЧЕНИКУ. ПЕРВЫЕ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ ГРАМЗАПИСИ ПРАВОСЛАВНЫХ ПЕСНОПЕНИЙ СВЯЗАНЫ С ИМЕНЕМ МАТВЕЕВА.

*Н. В. Матвеев (в центре)
с группой преподавателей
Регентского класса*

скорбящих Радость» в Москве на Большой Ордынке²⁴. Н. В. Матвеев хранил традиции Московской синодальной школы, его отличал высокий профессиональный уровень исполнительства, сочетавшийся с глубоким пониманием церковной музыки. Пение хора под его управлением производило неизгладимое впечатление на молящихся, создавая глубокий духовный настрой. Он обладал незаурядным педагогическим чутьем, умел найти индивидуальный подход к каждому ученику. Первые в советское время грамзаписи православных песнопений связаны с именем Матвеева. Расходясь по всему миру, они свидетельствовали о богатстве русской музыкально-певческой духовной культуры.

**СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ ПИМЕН —
САМ В СВОЕ ВРЕМЯ РЕГЕНТ —
ВСКОРЕ ПОСЛЕ СВОЕЙ ИНТРОНИЗАЦИИ
ОТМЕЧАЛ: «ПЕНИЕ ВНОСИТ
В ЦЕРКОВНУЮ СЛУЖБУ ИСКУССТВО,
ИДУЩЕЕ ОТ СЕРДЦА, ИМЕЮЩЕЕ
СВОИМИ ИСТОКАМИ ДРЕВНЮЮ
КУЛЬТУРУ, РЕЛИГИОЗНУЮ
И НАЦИОНАЛЬНУЮ, ПОНЯТНУЮ
НАШЕМУ ВЕРУЮЩЕМУ НАРОДУ
ВО ВСЕХ ЕГО ПОКОЛЕНИЯХ».**

Николай Васильевич свел музыкальные кружки духовной школы в единый Регентский класс, где на протяжении трех лет преподавались дирижирование, элементарная теория музыки, сольфеджио, игра на фортепиано, хороведение, гармония. Спевка проходила раз в неделю. «Под его (Н. В. Матвеева. — *Ред.*) редакцией составлен «Обиход церковного пения» в трех частях (всенощная, литургия, осмогласие) для академического церковного хора и для преподавания в семинарии курса церковного пения»²⁵. За время работы в академии Николай Васильевич был награжден орденами Святого равноапостольного князя Владимира III и II степени и двумя Патриаршими грамотами.

Важным этапом развития Регентского класса явилась работа учащихся со смешанным хоровым составом. Поскольку на приходах выпускникам духовной школы пред-

*Святейший Патриарх Пимен
и ректор МДАиС
архиепископ Дмитровский Филарет (Вахромеев)
на концерте хора Регентского класса
в Малом актовом зале МДА*

стояло иметь дело именно со смешанными хорами, для более качественной подготовки регентов был привлечен смешанный хор Троице-Сергиевой лавры под управлением архимандрита Матфея (Мормыля). С целью приобретения богослужебной практики учащиеся раз в неделю, в субботу утром, несли певческое послушание в Покровском храме МДА, управляя смешанным хором.

В 1972 году состоялся первый выпуск Регентского класса²⁶. Всем выпускникам выдавались свидетельства о присвоении звания регента церковного хора и именной камертон. На выпускном экзамене-концерте присутствовал Святейший Патриарх Пимен. Будучи также в свое время регентом, он обратился к учащимся со следующими словами: «Самое главное, о чем я хочу сказать, — это то, что наши церковные дирижеры должны обязательно очень хорошо понимать тексты священных песнопений с тем, чтобы уметь выделить более важные по смыслу места. <...> Цель дирижера — увидеть, уметь почувствовать, помимо текстовых значимых моментов песнопения, эти музыкальные от-

*Хор Регентского класса выступает
в Малом актовом зале МДА*

*Учащиеся Регентского класса.
Фотографии 1970-х годов*

тенки, которые композитор придал более важным местам песнопений. <...> Благодарю Николая Васильевича за его труды и прекрасный хор. Мне было очень приятно слушать ваше пение, тем более что я знаю этот хор очень давно и вижу его весьма большой рост. Это, конечно, труды отца Матфея и Николая Васильевича. И самое главное — проявление любви к церковному пению со стороны всех вас, поющих. И да благословит Господь вам продолжать эти труды»²⁷.

Вообще понимание важности церковного пения и забота об обучении певческому искусству звучали во многих высказываниях Святейшего. Вскоре после своей интронизации он отмечал: «Пение вносит в церковную службу искусство, идущее от сердца, имеющее своими истоками древнюю культуру, религиозную и национальную, понятную нашему верующему народу во всех его поколениях»²⁸. С этого времени выпуски Регентского класса начинают освещаться на страницах «Журнала Московской Патриархии».

В 1975/76 учебном году классу для занятий выделили наконец помещения в Сушильной башне крепостной стены — так решился давно наболевший вопрос. В том же году в своем рапорте Н. В. Матвеев подчеркивал, что «подготовка регентских и певческих кадров, являющаяся насущной потребностью нашей Русской Православной Церкви, возможна только в системе ныне существующих духовных школ и поэтому должна быть органической частью единого учебно-воспитательного процесса академии и семинарии». На выпускном экзамене пел смешанный хор лавры, в состав которого были включены учащиеся и преподаватели Регентского класса²⁹.

Вскоре последовали существенные перемены. С 1 сентября 1978 года смешанный хор лавры прекратил участие в учебном процессе Регентского класса, в связи с чем здесь была

создана женская группа — преимущественно из числа сотрудниц и служащих академии и лавры. В заключение выпускного экзамена-концерта тогдашний ректор МДАиС (с 1973 года) архиепископ Дмитровский Владимир (Сабодан)³⁰ сказал: «Приходит время, и мы все с большей отчетливостью начинаем осознавать, как в сегодняшнее время, в настоящие дни, нашей Церкви необходимы регенты, необходимы люди, могущие украсить богослужение и настроить людей на молитвенный лад»³¹.

В 1980 году в Регентский класс был принят преподавателем Владимир Иванович Мартынов — большой знаток древнерусской певческой культуры, неизменно подчеркивавший: «Правильное пение есть следствие правильной жизни, и для того, чтобы научиться правильно петь, необходимо благочестиво проводить свою жизнь»³². Именно он частично дополнил и переработал песнопения знаменного распева для литургии в Троицком соборе лавры³³.

В 1981 году Регентский класс при МДА окончила Любовь Сабина — первая выпускница класса, которая затем была регентом смешанного хора в Свято-Успенском Псково-Печерском монастыре. На выпускном экзамене «Покаяния отвержи ми двери» А. Веделя и «Да воскреснет Бог» А. Кастальского хор исполнил под ее управлением. С многочисленным составом хора Сабининой удалось «показать владение техникой «читка» — традиционной особенности московской школы пения»³⁴.

В отчете за 1981/82 учебный год Н. В. Матвеев писал: «Важным обстоятельством в деле подготовки церковных регентов является благословение Святейшего Патриарха Пимена выпускать с присвоением звания «Регент церковного хора» <...> участниц женской группы <...> на основе экстерната». Это привело к наплыву в Регентский класс девушек, и вскоре

женский состав стал здесь количественно доминировать.

В августе 1984 года исполняющим обязанности заведующего классом назначается его выпускник В. В. Янгичер, сменивший Н. В. Матвеева. В следующем году вводятся новые предметы: нравственное богословие, история Русской Церкви. Студентам, изучавшим богословские предметы в академии, отныне даются только основы музыкально-певческих дисциплин (обиход, сольфеджио, теория, вокал и так далее). В 1986/87 учебном году, когда Регентский класс возглавил игумен Макарий (Веретенников), в 1-м классе начинает изучаться церковно-славянский язык.

* * *

30 сентября 1987 года на собрании в актовом зале МДА прозвучало сообщение, что «с этого учебного года Регентский класс преобразован в Регентскую школу»³⁵. Ранее, 6 мая, Святейшему Патриарху Пимену был направлен рапорт: «Московская Духовная академия испрашивает благословения Вашего Святейшества на учреждение Регентской школы при Московской Духовной Академии. Срок обучения в Регентской школе — 4 года. Количество учащихся на каждом курсе — 20 человек». На что и последовало первосвятительское благословение.

Жизнь Регентской школы всегда была чрезвычайно разнообразной и насыщенной. Однако рамки журнальной публикации не дают нам возможности рассказать обо всем подробно, принуждая ограничиться лишь сжатым очерком.

Состав учащихся Регентской школы все больше становился женским. Некоторое время здесь еще сохранялся факультатив для студентов и семинаристов. Однако постепенно из-за трудности совмещения занятий мужской состав школы окончательно сошел на нет. Учебный процесс претерпел некоторые изменения: были введены богословские предметы для женского состава — такие, как Церковный устав, церковно-славянский язык, библейская и церковная история. Сохранилась традиция проведения выпускных экзаменов-концертов по дирижированию в Малом актовом зале МДА в Церковно-археологическом кабинете.

В 1988 году за Регентской школой закрепили лаврский храм в честь Смоленской иконы Божией Матери, где учащиеся стали нести клиросное послушание во все седмичные и праздничные дни. Впервые появился

Игумен Глеб (Кожевников)

штат воспитательниц из выпускниц школы. Шло становление храмовой певческой практики. Для придания богослужению большей торжественности и благолепия принимается решение об организации богослужебного смешанного хора (до этого хор был только концертный). Обязанности регента и руководителя хора возлагаются на иеромонаха Глеба (Кожевникова).

«21 сентября 1989 года, в праздник Рождества Пресвятой Богородицы, освящены спальные помещения для воспитанниц Регентской школы. (До этого девушкам приходилось жить на частных квартирах.) Эти помещения находятся в переходе, соединяющим лавру и новый семинарский корпус»³⁶.

В 1990/91 учебном году Регентскую школу возглавлял игумен Глеб (Кожевников)³⁷. Важным событием стало выступление под его управлением смешанного хора школы на традиционном Филаретовском вечере в МДА (14 декабря). Исполнением некоторых песнопений управляли выпускницы, что для них явилось сдачей экзамена. Святейший Патриарх Алексий II, почтивший экзамен своим присутствием, в заключительном слове дал высокую оценку хору РШ. Так было положено начало последующим экзаменационным

Священник Леонид Горячев

Архимандрит Макарий (Веретенников)

выступлениям учащихся на Филаретовских вечерах³⁸.

В 1991 году создается левый клирос в Смоленском храме, благодаря чему возросло число поющих в смешанных хорах и увеличилась возможность регентской практики. С Вербного воскресенья 1992 года начались постоянные богослужения в семинарском храме преподобного Иоанна Лествичника вместо Смоленского.

В июне 1995 года выпускницы РШ совершили паломническую поездку во Владимирскую епархию, где своим пением участвовали в праздновании памяти Боголюбской иконы Божией Матери, а затем посетили некоторые монастыри и храмы этой древней земли. Тем же летом учащиеся школы переселились в красный двухэтажный домик рядом с Утичей башней.

1997 год. Школу возглавляет священник Леонид Горячев. Воспитанницы несут послушание по оказанию помощи престарелым, поют на воскресных богослужениях в храмах лавры. В день памяти святых Жен-Мироносиц хор Регентской школы пел Божественную литургию в Успенском соборе Московского Кремля.

В 2001 году заведующим Регентской школой в очередной раз становится архимандрит

Макарий (Веретенников), возглавляющий ее по настоящее время. Одновременно школа выводится непосредственно с территории лавры: учебный процесс — в Семинарский корпус, общежитие — в новый лаврский странноприимный дом. Начинает преподаваться педагогика.

На пасхальный период 2002 года две ученицы школы отбыли на Чукотку, где им предстояло петь и читать на богослужениях и проводить занятия по церковному пению. Подобные поездки имели место и в дальнейшем. Группа учащихся приняла участие в открытии конференции «Москва — Третий Рим» в возрождающемся псковском Спасо-Елеазаровом монастыре, хор выступил перед студентами в Демидовском университете в Ярославле³⁹.

2 марта 2004 года хор Регентской школы совершил паломническую поездку в Звенигород, в обитель преподобного Саввы Сторожевского. У мощей святого был совершен акафист, певшийся на распев ученицами школы. Возрождается существовавшая раньше, но на какое-то время прерывавшаяся традиция проведения вечеров различной тематики. Так, 14 марта в школе состоялся вечер, посвященный 60-летию со дня кончины церковного композитора П. Г. Чеснокова.

21 марта здесь провела открытый урок дирижирования доцент Российской академии музыки имени Гнесиных Е. Н. Байкова. 22 августа во время летних каникул в семинарский храм из Троицкого собора доставили частицу мощей равноапостольной Марии Магдалины. С этого времени началось ее особое почитание в школе и в семинарском храме. Отметим и такое событие: осенью все того же 2004 года для учениц РШ пошили форменные платья.

Из выступлений учащихся 2005/06 учебного года можно назвать пение на литургии на Николу летнего в Переславле, на открытии Никоновских чтений в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре, в ростовском Авраамиевом монастыре. В конце 2006 года вышел диск с песнопениями хора Регентской школы «У Троицы окрыленные» и диск с акафистом преподобному Сергию Радонежскому. В том же году ряд преподавателей удостоились церковных наград, а священник Леонид Горячев — сана протоиерея.

Одна из интересных страниц в истории Регентской школы — сотрудничество с ней церковного композитора диакона Сергия Трубачева. Преподавательница Л. В. Шишкина вспоминает: «Он приходил к нам на регентское отделение очень часто. В духовной академии ежегодно проходят знаменитые Филаретовские вечера, где выступает наш регентский хор с экзаменом — концерт-экзамен. И мы каждый год (последние 7–8 лет) пели сочинения Сергея Зосимовича. Он всегда приходил к нам на репетиции. И студенты, которые дирижируют, волновались и ждали этого момента. Сергей Зо-

симович делал какие-то замечания, иногда пел. Когда он пел, то все просто замирали. Но вот наступал момент, когда он начинал сам управлять. Тут происходило чудо какое-то. До этого студент искал фразировку, звук, еще что-то. А он, ничего не делая практически, без каких-либо дирижерских жестов, вдруг выстраивал песнопение так, что оно начинало звучать. Ну просто живое интонирование, живая фраза, слово, простота, естественность, молитвенность начинались в звуке, которых мы сами не могли достичь. Это чудо было на наших глазах»⁴⁰. Во время отпевания диакона Сергия в Успенском соборе лавры антифонно с братским хором архимандрита Матфея (Мормыля) пел хор Регентской школы.

Начиная с 1990-х годов, когда стали открываться храмы в ближайшей округе, учащиеся школы помогали организовывать там пение и работу с детьми.

Значительно влияние выпускников Регентской школы в современной церковной жизни. Вот лишь несколько примеров. В 1975 году Регентский класс окончил иеродиакон Филарет (Карагодин) — впоследствии епископ, ректор МДА (1992–1995), ныне — архиепископ Пензенский и Кузнецкий. Архимандрит Агафодор (Маркевич), наместник московского Донского монастыря, окончил класс в 1979 году. Выпускница 1984 года Раиса Егоровна Перетягина в настоящее время — игуменья Никона, настоятельница Казанской Свято-Амвросиевской Шамординской пустыни. Среди выпускников 1985 года — Кирилл Попов, впоследствии регент Александроневского собора в Софии, 1986 года — нынешний епископ Барнаульский и Алтайский Максим (Дмитриев). С ним вместе учился Алексей Тамберг — будущий архидиакон Роман (1961–1998), известный автор церковных песнопений. В 1989 году Регентскую школу окончила нынешняя игуменья Нина (Мизун) — настоятельница Свято-Кирилло-Мефодиевского женского монастыря в Закарпатье. Этот список можно продолжать и продолжать.

* * *

Скажем несколько слов и о сегодняшней жизни Регентской школы.

Перед началом учебного года, еще во время летних каникул, проходят вступительные экзамены: проверяются не только знания и умения, но и эрудиция абитуриента. Необходимо также пройти медкомиссию в академической санчасти: будущему регенту в силу

**«ЦЕРКОВНОЕ ПЕНИЕ ДОЛЖНО
ДОХОДИТЬ ДО СЕРДЦА КАЖДОГО
МОЛЯЩЕГОСЯ, ВОСПРИНИМАТЬСЯ
ВСЕМИ СОБИРАЮЩИМИСЯ В ХРАМЕ
ЗА БОГОСЛУЖЕНИЯМИ, И В ПЕРВУЮ
ОЧЕРЕДЬ ИСПОЛНИТЕЛЯМИ.
ЭТО ВЕЛИКАЯ ЗАДАЧА, И ВЫПОЛНИТЬ
ЕЕ — НАШ ДОЛГ НЕ ТОЛЬКО ПЕРЕД
НАШИМИ ПРИХОЖАНАМИ, НО И ТЕМИ,
КТО ВПЕРВЫЕ ПЕРЕСТУПАЕТ
ПОРОГ ХРАМА».**

специфики его работы потребуются крепкое здоровье.

В первый день нового учебного года (1 сентября) все молятся на литургии в академическом Покровском храме, а также в семинарском во имя преподобного Иоанна Лествичника. После литургии творится особый молебен «перед началом учения отроком». Далее учащие и учащиеся шествуют в древнейший храм лавры — Троицкий собор, где совершается молебен у мощей преподобного Сергия Радонежского. В детстве ему трудно давалась грамота, но потом дивным образом, как повествует житие, отрок стал являть успехи в чтении Псалтири и в учебе.

Важные события начала учебного года — молитва о почивших профессорах и преподавателях, по которым у памятника в академическом саду творится заупокойная лития, а также совершается паломническая поездка по московским храмам и монастырям.

14 сентября, когда Церковь творит Новолетие, первоклассникам вручаются студенческие билеты. Звучат речи, песнопения; в заключение зачитываются поздравительные телеграммы от выпускниц⁴¹.

Каждый день воспитанниц РШ на протяжении учебного года проходит с пением молитв: перед трапезой и после нее, в начале и конце каждого урока. Духовным средоточием певческой жизни школы является семинарский храм во имя преподобного Иоанна Лествичника. Все поют на будничных богослужениях в «десятках», а на праздничных — в смешанных хорах. Далее клиросное послушание становится сложнее: со второго года обучения учащиеся начинают управлять певческими группами на будничных службах, а с третьего — смешанными хорами на субботних, воскресных и праздничных службах, на молебнах и панихидах. Каждому богослужению предшествует подробный разбор Устава и певческих особенностей предстоящей службы; затем регенты разбирают с педагогом богослужебной практики прошедшую службу, выявляя недочеты и недостатки для дальнейшего совершенствования. В конце учебного года проводятся итоговые экзаменационные богослужения.

Завершающий год для выпускниц — это не только время усиленной клиросной практики, становления и осознания себя в качестве регента большого смешанного хора, но и нелегкая пора экзаменов, среди которых один из наиболее важных — Филаретовский концерт. Концерт-экзамен Регентской школы традиционно завершается торжественным актом в Большом зале МДА.

НЫНЕ РЕГЕНТСКАЯ ШКОЛА ПРИ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ВЕДУЩЕЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ, СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ СТАТУСУ МУЗЫКАЛЬНОГО ВУЗА. ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ ШКОЛЫ ЯВЛЯЮТСЯ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ КРУПНЕЙШИХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ВУЗОВ СТРАНЫ.

* * *

Созданный более полувека назад регентский кружок, который являлся факультативом для студентов МДА с целью повышения уровня их музыкальных знаний, а точнее, для ознакомления будущих священнослужителей с основами церковного пения, со временем вырос в отдельную учебную структуру. Ныне Регентская школа при Московской духовной академии представляет собой ведущее музыкальное учебное заведение православной традиции, соответствующее статусу музыкального вуза. Уникальность учебно-воспитательного процесса школы заключается в ее территориальной близости к лавре преподобного Сергия, позволяющей питомцам получать духовное и профессиональное окормление в центре русского православного устроения. Ведущими преподавателями школы являются высококвалифицированные специалисты крупнейших музыкальных вузов страны. Богословские предметы, преподаваемые выпускниками академии, охватывают полный комплекс дисциплин, необходимых для будущих регентов. В целом за время существования регентского кружка, Регентского класса и Регентской школы было выпущено около тысячи регентов, которые бережно сохраняют московские певческие традиции, несут церковное служение в монастырях, соборах и приходах многих епархий.

* * *

На епархиальном собрании московского духовенства 5 декабря 2006 года Патриарх

Московский и всея Руси Алексей II говорил: «Церковное пение должно доходить до сердца каждого молящегося, восприниматься всеми собирающимися в храме за богослужениями, и в первую очередь исполнителями. Это великая задача, и выполнить ее — наш долг не только перед нашими прихожанами, но и теми, кто вперые переступает порог храма»⁴². Словам Свя-

тейшего вторят стихи, прозвучавшие на одном из выпускных актов Регентской школы:

*Нам предстоит нелегкая дорога,
И как нам важно ясно осознать:
Мы призваны всю жизнь хвалить
и славить Бога
И всех людей к тому же призывать.*

¹Трофимчук М. Х. Академия у Троицы. Воспоминания о Московских духовных школах. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2005. С. 7.

²Там же. С. 15.

³Там же. С. 34.

⁴Подробнее о переезде Духовной академии в лавру см.: *Архимандрит Платон*. Полувек юбилей возвращения Московских духовных школ в обитель преподобного Сергия // Журнал Московской Патриархии (ЖМП). 1999. № 1. С. 53–58.

⁵Там же. 1948. № 5. С. 9.

⁶Там же. С. 76.

⁷Машинопись, б/д.

⁸М. Н. Ильченко родилась в 1888 г. в Петербурге, где окончила консерваторию (1904). Ее муж, Петр Павлович Ильченко, был профессором Московской консерватории. В академии Мария Николаевна работала с 1950 г. Ее кандидатуру рекомендовал студент 3-го курса академии К. Нечаев (впоследствии — митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (1926–2003), в молодые годы любивший игру на виолончели (Русь уходящая. Рассказы митрополита Питирима. СПб., 2007. С. 227).

⁹Валентин Иванович Курочкин — выпускник (1914) и преподаватель Московской консерватории. Ко времени поступления в МДА был на пенсии и писал церковную музыку.

¹⁰Трофимчук М. Х. Указ. соч. С. 191.

¹¹Там же. С. 127, 155.

¹²Там же. С. 167, 293.

¹³Подробнее об этом см.: *Игумен Лазарь*. Святейший Патриарх Алексей I и богослужебно-певческие традиции Русской Православной Церкви // Альфа и Омега. 2007. № 1(48). С. 133–145.

¹⁴Трофимчук М. Х. Указ. соч. С. 134.

¹⁵Там же. С. 172.

¹⁶Там же. С. 191.

¹⁷Сергеев В. Памяти Николая Сергеевича Данилова // ЖМП. 1972. № 3. С. 27. См. также: *Данилов Н. С.* Степенные антифоны восьми гласов по напеву Большого Московского Успенского собора для смешанного хора без сопровождения. М., 2007. С. 4.

¹⁸Ныне — митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший экзарх всея Беларуси.

¹⁹Трофимчук М. Х. Указ. соч. С. 304.

²⁰Там же. С. 282.

²¹Тухманова Л. Р., Докучаева Р. С. Великий регент XX века Виктор Степанович Комаров // Регентское дело. 2009. № 11. С. 16.

²²Протоиерей Н. Воробьев. Регенту патриаршего хора Виктору Степановичу Комарову 80 лет // ЖМП. 1974. № 9. С. 22.

²³Трофимчук М. Х. Указ. соч. С. 328.

²⁴Шумский С. Николай Васильевич Матвеев — хоровой дирижер и регент. 1909–1992 // Труды Московской регентско-певческой семинарии. 2002–2003. Наука. История. Образование. Практика музыкального оформления богослужения. Сборник статей, воспоминаний, архивных документов. М., 2006. С. 85–89.

²⁵Московская епархия. Золотой юбилей регента // ЖМП. 1978. № 7. С. 27; *Матвеев Н. В.* Хоровое пение. Учебное пособие по хороведению. Б. м., 1998. С. 9.

²⁶Осипович А. Выпускной экзамен Регентского класса в МДА // ЖМП. 1973. № 3. С. 18.

²⁷Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Слова, речи, послания, обращения. 1957–1977. М., 1977. С. 369.

²⁸Ответы Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена на вопросы редактора пражской газеты «Лидова демократие» г-на Иржи Сура // ЖМП. 1971. № 12. С. 6.

²⁹А. И. Пятый выпуск Регентского класса МДА // ЖМП. 1976. № 9. С. 23–24.

³⁰Ныне — митрополит Киевский и всея Украины.

³¹Трофимчук М. Х. Указ. соч. С. 379.

³²Лецинский А. Лавра преподобного Сергия и Академия в ней. Сергиев Посад, 1993. С. 158. В. И. Мартынов родился в феврале 1946 г.; в 1971-м окончил Московскую консерваторию (теоретико-композиторский и фортепианный факультеты), с 1971-го — член Союза композиторов. Преподавал в Регентском классе до 1998 г., ведя уроки по теории музыки, гармонии, сольфеджио и истории церковного пения. Автор книг: «Пособие по гармонии и аранжировке для Регентского класса»

НАМ ПРЕДСТОИТ НЕЛЕГКАЯ ДОРОГА,
И КАК НАМ ВАЖНО ЯСНО ОСОЗНАТЬ:
МЫ ПРИЗВАНЫ ХВАЛИТЬ
И СЛАВИТЬ БОГА
И ВСЕХ ЛЮДЕЙ К ТОМУ ЖЕ
ПРИЗЫВАТЬ.

(1983), «Лекции о богослужебном пении» (б/д), «История богослужебного пения. Учебное пособие» (1994), «Пение, игра и молитва в русской богослужебно-певческой системе» (1997), «Культура, иконосфера и богослужебное пение Московской Руси» (2000), «Конец времени композиторов» (2002).

³³Об этом говорится в предисловии к изданию: Литургия. Нотный сборник. Неизменяемые песнопения. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2007.

³⁴Янгичер В. Десятый выпуск регентского класса в МДА //ЖМП. 1981. № 9. С. 27–28.

³⁵Трофимчук М. Х. Указ. соч. С. 497. Хотя протоиерей Владислав Цыпин пишет об открытии Регентской школы в результате ее преобразования из Регентского класса в 1985 г. (Протоиерей В. Цыпин. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 637; Он же. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005). Изд. 2-е. М., 2006. С. 605).

³⁶Калугин С., Стручалин В. Освящение обновленного корпуса //ЖМП. 1990. № 3. С. 35.

³⁷В статье названы не все заведующие РШ.

³⁸Жильцова Ю. Выпускной акт в Московских духовных школах // ЖМП. 1991. № 10. С. 39.

³⁹Духовное пение в подарок // Ярославские епархиальные ведомости. 2003. № 5 (143). С. 7.

⁴⁰Шишкина Л. В. Воспоминания о С. З. Трубачеве и его церковной музыке //Ныне и присно. 2006. № 3–4. С. 70.

⁴¹Заведующий РШ архимандрит Макарий (Веретенников) получает также от своих выпускниц немало писем. Вот одно из них (имя автора мы опускаем): «Здравствуйте, дорогой батюшка! <...> Конечно, я пока нахожусь в том возрасте, в котором, как в песне поется, «рано жить воспоминаниями», но мысли о РШ неизменно сопутствуют мне. Зачастую трудно бывает сдержаться и не рассказать своим певчим о том, как проходила та или иная служба, и как выглядели клироса, на которых мы пели, <...> и как мы пели «десятки», как проходили вечера, какими были уроки, спевки и так далее, и так

РУСЬ ПРАВОСЛАВНАЯ

*Учащиеся Регентской школы с руководством Московских духовных школ.
Фотография 2007 года*

*Преподаватели Регентской школы.
Фотография 2007 года*

далее, и так далее. Девчата мои (я певчих по старшей памяти называю «девчатами», как называла всех, кто учился со мною в нашей школе) говорят иногда: «В общем, мы поняли: ТАМ все было лучше». Я очень полюбила храм, в котором сейчас работаю, его священство, сотрудников, певчих, но все же... Все же порою мне снится один и тот же сон. Будто бы срок нашего обучения продлили на год, и весь наш курс снова съехался; все раду-

ются, нет, даже ликуют, обнимают друг друга. Вновь возобновились занятия, спевки, вновь мы идем через лавру в наш милый семинарский корпус. Просыпаюсь я со слезами, т. к. еще во сне начинаю понимать, что это только сон. Но я так благодарна Богу за то, что Он даровал мне эти три года жизни в лавре и учебы в РШ!»

⁴²Ежегодное епархиальное собрание города Москвы //ЖМП. 2007. № 1. С. 70.

Иван Иванович Магер

Влюбленные в Селигер

О московских художниках

Татьяне Алексеевне и Алексее Федоровиче Кипарисовых

*А. Ф. Кипарисов.
Автопортрет
(фрагмент).
Холст, масло.
1982 год*

*А. Ф. Кипарисов.
Портрет
Т. А. Кипарисовой.
Бумага, акварель.
1952 год*

Более полувека супружеская чета Кипарисовых ежегодно выезжает в теплое время года на озеро Селигер. Он буквально покорила их своими разнообразными красотами: водное раздолье с многочисленными островами, бескрайние леса, живописно разбросанные по берегам деревушки, памятники истории и культуры, старинный русский город Осташков...

«Селигер невозможно не полюбить всей душой», — утверждает Алексей Федорович. А Татьяну Алексеевну родители привозили сюда еще в малолетстве, так что она давно с ним «породнилась». Это место стало для Кипарисовых второй малой родиной. В конце концов они собственноручно срубили здесь дом. Газета «Селигер» в июле 2007 года писала: «Так как оба художника преданно влюблены в Селигер, то и основу их творчества составляют именно он и быт людей, живущих на его берегах».

Татьяна Алексеевна Кипарисова родилась в Москве в 1930 году. С 1942 по 1950 год училась в Московской средней художественной школе (ныне — Московский академический художественный лицей), далее (1950—1956) — в Московском архитектурном институте, после окончания которого работала в Моспроекте, в Мособлпроекте, в Гипроречтранс. В последнем институте в течение 25 лет на общественных началах Татьяна Алексеевна вела кружок детского рисунка и акварели. Выезжая на Селигер, писала пейзажи, портреты, цветы. Издательство «Живопись-инфо» выпустило в свет комплект

открыток по ее акварелям (2007). Будучи членом Московского Союза архитекторов, она принимала участие в «Творческих средах» в ЦДХ, представляла свои работы на многих персональных и групповых выставках (Москва, Павловский Посад, Орехово-Зуево, Осташков). Выйдя на пенсию, более десяти лет работала в общеобразовательной школе преподавателем рисования, вела изокружок, участвуя с детьми в международных конкурсах (Италия, США).

Алексей Федорович Кипарисов родился в Москве в 1929 году. Как и его будущая супруга, учился в МСХШ (1943—1949), МАрХИ (1949—1955). Несколько лет работал архитектором в проектных институтах столицы. В дальнейшем занялся живописью и книжной графикой. Сотрудничал с издательствами «Детгиз», «Малыш», со студией «Диафильм». Все то же издательство «Живопись-инфо» выпустило два комплекта открыток «Селигер. Пейзажи Алексея Кипарисова» (2006, 2007). Участвовал в международных, республиканских, московских и иных выставках. Персональные выставки прошли в Московском архитектурном институте, в Павловском Посаде, Осташкове. Член МСХ.

Работы Алексея Федоровича и Татьяны Алексеевны находятся в художественных галереях Павловского Посада и Осташкова, а также в ряде российских частных собраний. В этом номере «Московский журнал» предлагает своим читателям познакомиться с творчеством художников Кипарисовых.

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

Живописные работы Т. А. Кипарисовой

*Снег
по золоту осени.
Бумага, акварель.
2002 год*

*Церковь
Успения
Богородицы
в Никола-Рожке.
Бумага, акварель.
2000 год*

*Последний
снег в овражке.
Бумага,
акварель.
2006 год*

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

*Дорога в бору.
Бумага, акварель.
2006 год*

*Край родной долготерпенья,
край ты русского народа...
Бумага, акварель.
2005 год*

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

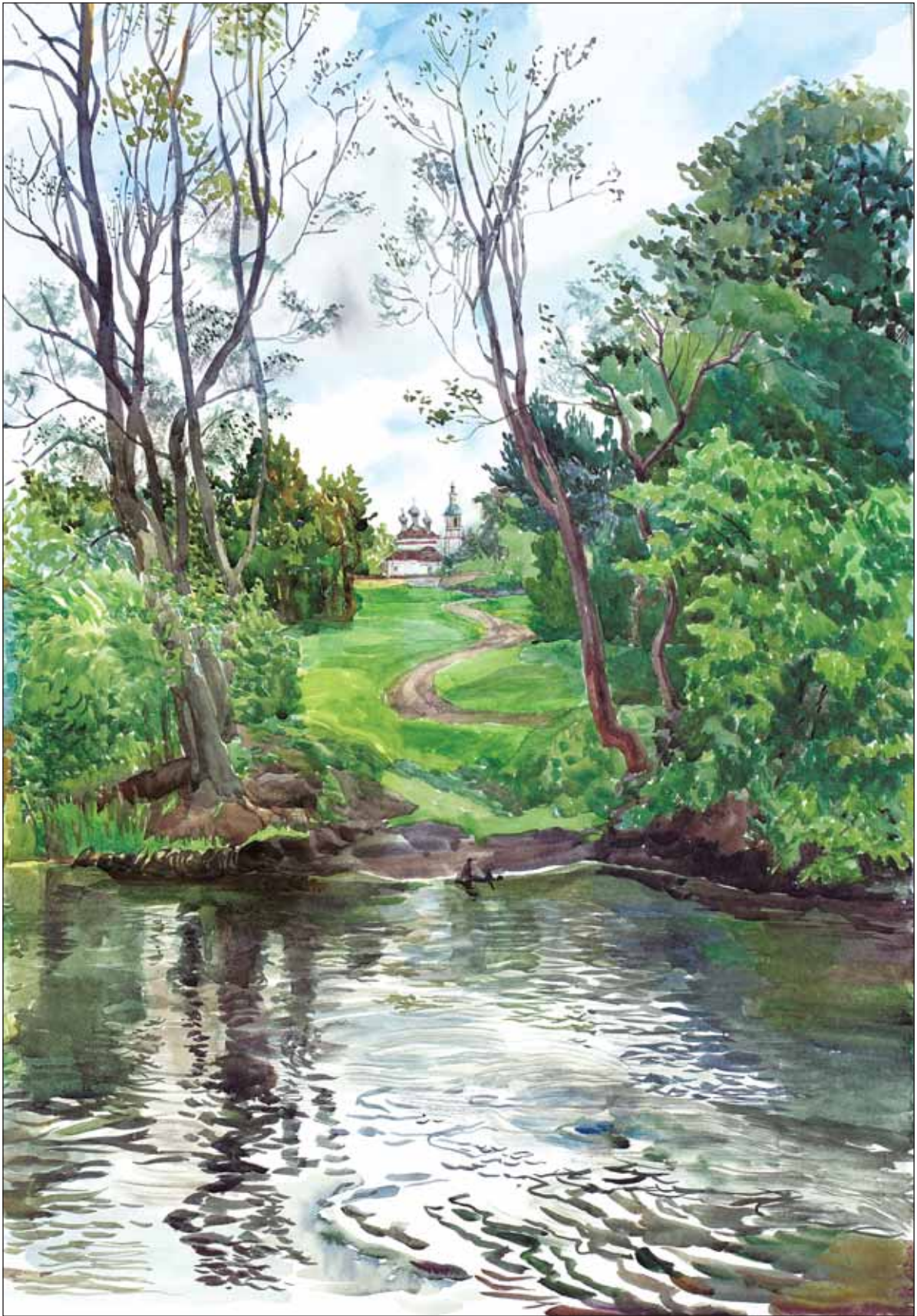
Простор! Бумага, акварель. 2005 год

*Лодки
в Заречье.
Бумага,
акварель.
2002 год*

Эти бедные селенья, эта скудная природа... Бумага, акварель. 2005 год

Вид на реку Мошенку с трубного моста.

Бумага, акварель.

2006 год

Топинамбур на огороде. Бумага, акварель. 2005 год

Цветет липучка. Бумага, акварель. 2007 год

Дом тети Дуни. Бумага, акварель. 2003 год

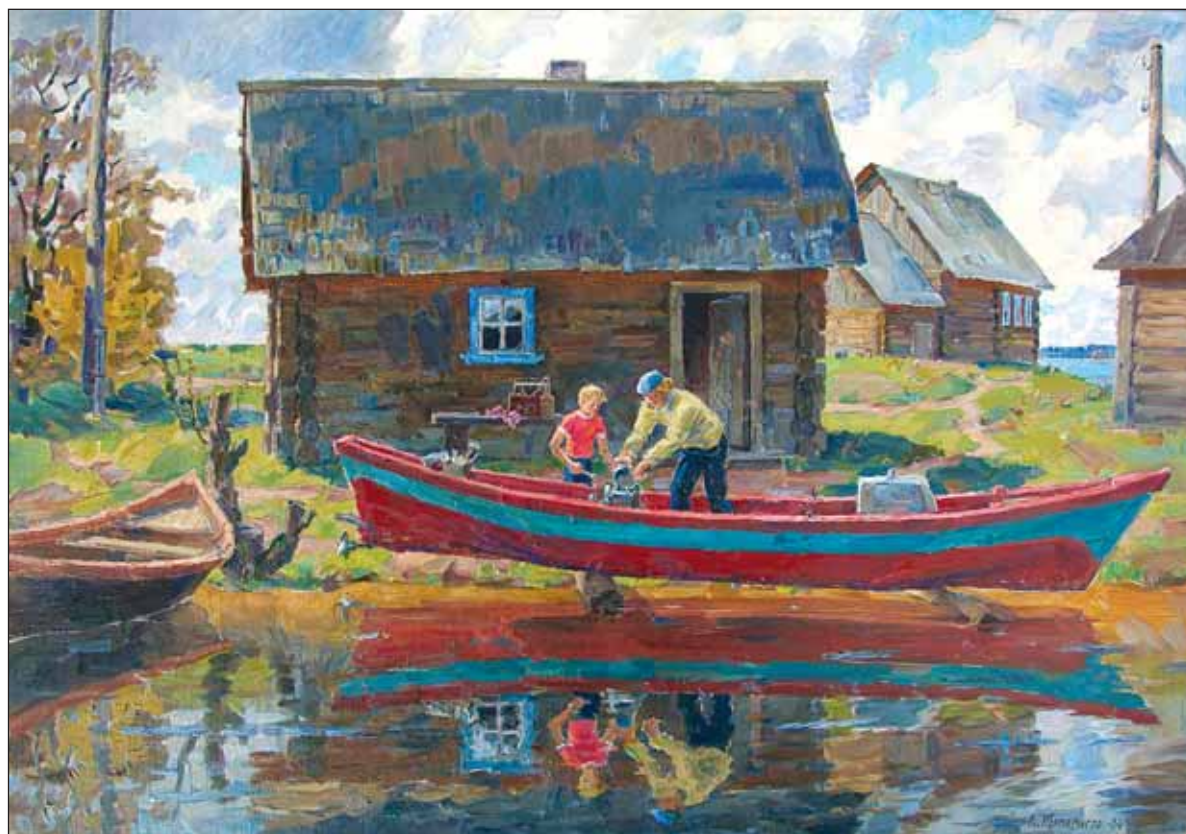
Нилова пустынь перед грозой. Бумага, акварель. 2005 год

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

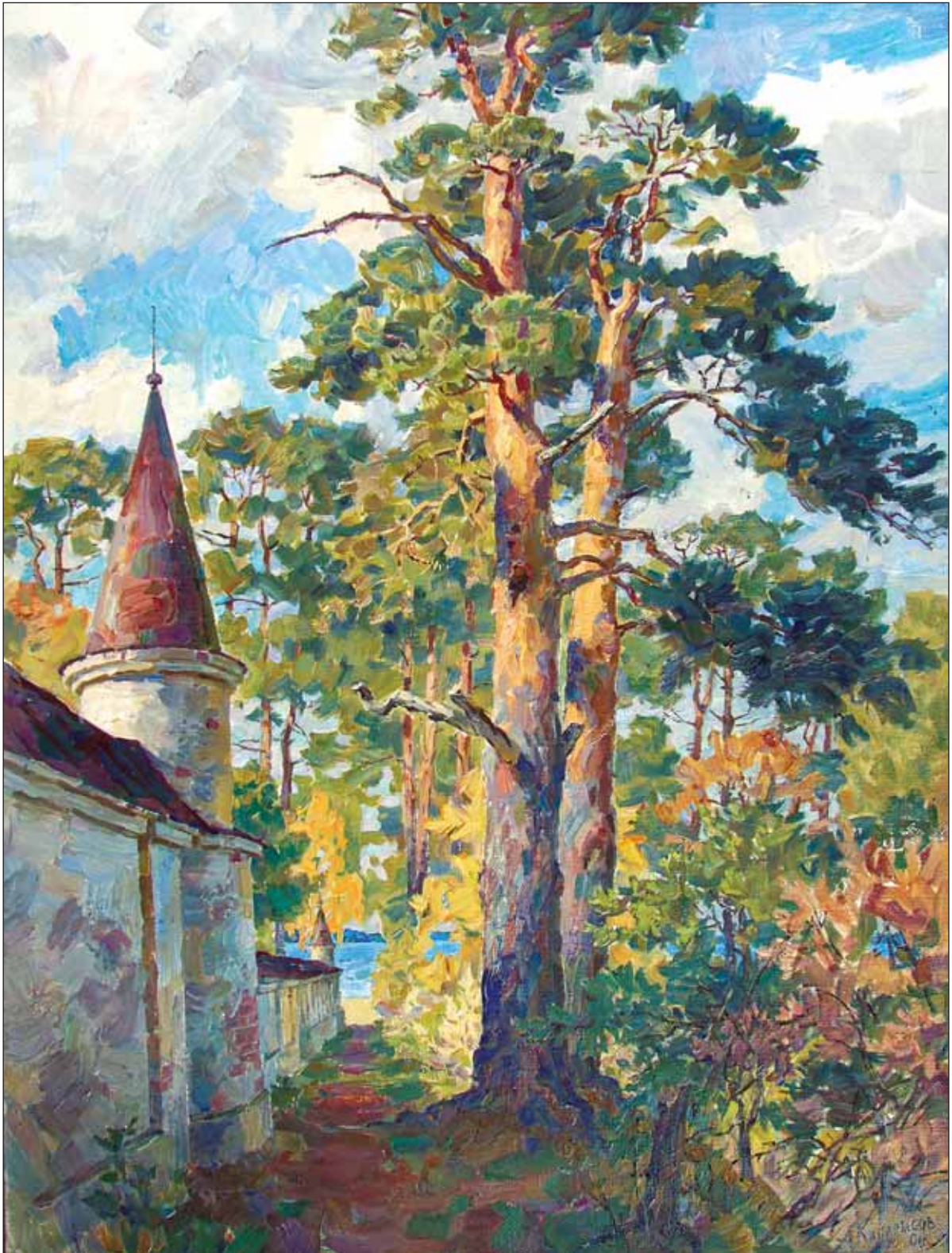
Живописные работы А. Ф. Кипарисова

*Весеннее половодье.
Холст, масло. 2006 год*

*Вот наладим мотор...
Холст, масло. 2004 год*

*Никола-Рожок.
На обрыве.
Холст, масло. 2005 год*

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

Летний день в Осташкове. Холст, масло. 2005 год

Год 45-й. Возвращение с победой. Холст, масло. 1979 год

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

Храм Успения Богородицы в Никола-Рошке. Холст, масло. 2001 год

На озере Серменок. Холст, масло. 2004 год

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

Спадает дневная жара. Холст, масло. 1968 год

Вечер. Холст, масло. 2007 год

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

*Селигер. Нилова пустынь.
Холст, масло. 2001 год*

*Начало мая.
Холст, масло. 2006 год*

ISSN 0868-7110

9 770868 711004

ИНДЕКС 73371

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**О торгово-
промышленной
и благотворительной
деятельности
представителей
известной московской
купеческой фамилии
Трындиных
(конец XVIII —
начало XX века)**

**Жизнь и трагическая кончина
Тверского губернатора
Николая Григорьевича фон Бюнтинга (1861–1917)**